

БАРЧУК

**НОВЫЙ
СТАРЫЙ ГОД**

Дмитрий Барчук

Новый старый год. Антиутопия

«Автор»

2005

УДК 82-31:9 (470)
ББК Ш6 (2=Рос)7-44

Барчук Д. В.

Новый старый год. Антиутопия / Д. В. Барчук — «Автор»,
2005

Австралийский бизнесмен Джордж Смит, в прошлом россиянин Георгий Кузнецов, стремится увезти жену и сына. С этой целью через несколько лет эмиграции он возвращается в Россию, где произошла очередная революция, и к власти пришел Фронт национального спасения – симбиоз из коммунистов и фашистов. Жизненность и обыденность ситуаций, в которые попадает герой, отличает эту антиутопию от «пропагандистских страшилок». Граница между выдуманным и реальным в романе столь расплывчата и эфемерна, что кажется: любой российский город с большой долей вероятности может превратиться в послереволюционный Обск, где и разворачиваются описываемые события.

УДК 82-31:9 (470)
ББК Ш6 (2=Рос)7-44

© Барчук Д. В., 2005
© Автор, 2005

Содержание

Часть первая	6
1. Первые впечатления	6
2. Утренние воспоминания. Ольга	13
3. Дневные воспоминания. Георгий	21
4. Встреча старых друзей	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Барчук

Новый старый год. Антиутопия

Все, о чем здесь пойдет речь, – ложь, выдумка. Потому что этого еще никогда не было. И, не дай Бог, чтобы когда-нибудь произошло.

Автор

Часть первая

День конституции

1. Первые впечатления

*5 декабря 2*** года.*

– Товарищи пассажиры! Через двадцать минут наш самолет произведет посадку в аэропорту города Обска. Температура воздуха – минус 28 градусов. Местное время – пять часов сорок минут. Просьба: спинки кресел привести в вертикальное положение и пристегнуть привязные ремни...

В салоне зажегся яркий свет. Сидящий в первом ряду крупный мужчина, на вид лет сорока от роду, непроизвольно зажмурился и потянулся. Стюардесса, проверявшая, как пассажиры выполнили ее инструкции, боком протиснулась в проходе, наполовину перегороженном его мощными плечами, и не сделала ему в отличие от других никаких замечаний. Ведь на их борту уже давно не было иностранцев. А тут сразу такой фрукт!

Костюм из тончайшей шерсти, золотой Rolex, дорогие сапоги из крокодильей кожи, Financial Times с биржевыми сводками и свежий загар посреди зимы выделяли его среди пассажиров.

Между тем загадочный пассажир окончательно пришел в себя. Ему снова не удалось заснуть. Мысли и впечатления роились, переплетались, создавая причудливые комбинации и образы, и никак не давали уставшему сознанию хоть немного покоя.

Уши заложило. Иностранец стал усиленно зевать и глотать слюну, чтобы не ходить потом весь день наполовину глухим. Но самолет вдруг подпрыгнул и покатился, ревя двигателями, по посадочной полосе. За последние двое суток этот уставший человек четырежды взлетал в небо и столько же опускался на грешную землю, пересекал экватор, сэкономил часы, летя на запад, и терял их вдвойне, возвращаясь на восток. Самолеты, которыми он летел, пилотировали австралийские, сингапурские, немецкие и, наконец, российские экипажи.

Хорошие лайнеры обслуживают цивилизованный мир: комфортабельные, бесшумные, экологически чистые. Но в мастерстве пилотирования с русскими летчиками мало кто может сравниться. Даже доисторические разболтанные «ТУ» они умудряются сажать мягко и плавно.

На трап он вышел последним и, закашлявшись, отпрянул обратно в теплое, ставшее почти родным за четыре часа полета чрево самолета. Настолько холодным и резким был воздух, ударивший и в нос, и в горло одновременно. Но, сделав пару глубоких вдохов, он стал судорожно глотать морозную взвесь с искрящимися в свете прожекторов мельчайшими снежинками. И сам себе не мог уже представить, как он прожил почти четыре года, сейчас казавшихся вечностью, без этого напоенного кислородом и запахом кедра студеного воздуха.

– Добро пожаловать в Сибирь, мистер Смит, – приветствовал гостя на сносном английском языке высокий и подтянутый молодой человек в армейском овчинном полушубке без погон.

Вслед за ним по трапу поднималась миниатюрная женщина в потертой, не по сезону легкой дубленке и лохматой песцовой шапке.

– Это Оксана. Она будет вашей переводчицей и гидом. Меня же зовут Сергей. Я – сотрудник ОВИР.

Мистер Смит ответил на чистейшем русском:

– К чему все эти церемонии? Вы же наверняка досконально изучили мою биографию и знаете, что в этом городе я прожил без малого два десятка лет. Поэтому ни в провожатых, ни тем более в переводчиках я не нуждаюсь.

– Таковы правила приема иностранных гостей в нашей стране. Не я их устанавливал, не мне их отменять. И вы уж постарайтесь в точности придерживаться их. Поверьте, это в ваших же интересах. Оксана передаст вам Памятку для иностранцев, – официальным тоном, не проявив даже показного добродушия, сказал Сергей.

По-русски он иначе говорить не умел.

«Господи, неужели я в Обске?! Под ногами скрипит настоящий снег, метет поземка, и скоро я увижу родные улицы, лица, Наталью и сына», – расчувствовался Джордж Смит, он же в недавнем прошлом Георгий Кузнецов, проходя по заснеженному летному полю к выходу в город.

– Стой, стрелять буду! – послышался впереди, где толпа просачивалась через узкую калитку, грозный окрик.

Из темной людской массы отделилась грузная фигура пожилого человека с дипломатом и целлофановым пакетом в руках. За ней, грубо расталкивая локтями испуганных пассажиров, устремились два полушубка, таких же, как на Сергее. Вырвавшись на простор, беглец на секунду замешкался, оглянулся по сторонам и, оценив ситуацию, изо всех сил бросился к самолету. Он промчался буквально в метре от Смита.

Джордж даже расслышал его тяжелое дыхание. Сотрудник ОВИР попытался остановить убегающего, но тот с поразительной для его возраста и веса прытью перемахнул через подставленную ногу, и ударил дипломатом Сергея по голове. Молодой человек упал. Толстяк уже ухватился за поручни трапа, еще пара мгновений – и он окажется в самолете. Но тут раздался выстрел.

Беглец вздрогнул, дернулся вперед, затем назад и кубарем покатился вниз. Дипломат раскрылся, и из него вывалились какие-то бумаги, а из разорванного пакета скатывались по трапу на снег оранжевые, как солнце, апельсины.

Подбежавшие к телу полушубки оказались не у дел.

– Готов. Прямо в затылок. Классный выстрел! – констатировал один из них.

За оградой раздался истошный детский крик:

– Де-да! Дедушка!

Смит обернулся и похолодел от ужаса. По полю бежала девочка лет десяти, за ней прихрамывала немолодая женщина. Но он смотрел на переводчицу. Девушка смущенно улыбнулась и быстро спрятала в болтавшуюся на плече сумочку пистолет.

Первые пять минут они ехали в полном молчании. Тишину нарушил Сергей, сидевший впереди на пассажирском кресле. Потирая ушибленный лоб, он сказал:

– Тяжелый сундук оказался у этого жирного гада. Даже искры из глаз посыпались, когда он меня им долбанул. А ты, Ксюха, молодчина. Не растерялась.

Переводчица не ответила. Но по ее виду было件нятно, что похвала Сергея для нее приятна. Большие серые глаза женщины светились умиротворением и спокойствием. От чего у сидевшего рядом Смита вновь по спине пробежали мурашки. Он не удержался и спросил девушку:

– Оксана, за что вы убили этого человека?

– Он был враг. Сопротивление органам при задержании, попытка захвата самолета. Для применения оружия более чем достаточно, – четко, как на экзамене, отрапортовала она.

– Помилуйте, какой захват?! – удивился иностранец. – У него не было даже перочинного ножика. Одни документы и апельсины. Вы же сами видели. И потом, в Москве нас так тщательно досматривали.

Оксана оставила это восклицание гостя без ответа.

Ей на помощь пришел молчавший доселе водитель с пышными черными усами и хитрющими, с прищуром, глазами:

– Товарищ Смит, а вы из самой Австралии к нам приехали? И кенгуру, и мишек коала там видели?

Джордж слегка удивился столь неожиданному и наивному вопросу, но все же ответил:

– Конечно, видел. Коала, правда, только в Сиднейском зоопарке. А кенгуру там встретить не проблема.

– А правда, что в Австралии вообще нет атомного производства? – не унимался любопытный водила.

– Смотря что под этим понимать? Австралийцы вообще помешаны на экологии. Атомные электростанции в этой стране запрещены законом. Но вот сырье для АЭС – урановую руду – на северо-западе, на землях аборигенов, добывают. Исключительно для экспорта.

– А какая еще промышленность в Австралии имеется?

– Континент очень богат полезными ископаемыми. Почти как Сибирь. Добывают уголь, нефть, медь, олово, бокситы, из которых выплавляют алюминий. В Тасмании развита целлюлозно-бумажная промышленность. Очень много сельскохозяйственных товаров экспортирует Австралия. В больших городах развито машиностроение...

– Вот-вот, – оживился шофер. – Я слышал, что там и «Ниссаны» делают. «Максимы». – Последнее слово он произнес с придыханием, как святыню.

– Есть такой завод, – признал приезжий.

– Товарищ Смит, голубчик, помогите, – взмолился водила. – Видите, на чем приходится ездить, даже встречать иностранных гостей.

Он демонстративно ударил кулаком по панели «Волги».

– А в это время в гараже без дела стоит почти новенькая Maxima. И все в ней в целостности и сохранности. Летали бы на ней сейчас... Только ключей нет. Никакие другие ключи не подходят. Там хитрая защита стоит: только родной ключик распознает. А его у дилеров или на заводе заказывать надо. Я вам и код уже переписал. Если не желаете тратиться на звонок из гостиницы, то можно по этому вопросу и с работы Сергея Владимировича позвонить. А уж какие будут затраты по изготовлению ключика, то наша контора вам их все компенсирует. Может, только валюты не найдем, но рублями по самому выгодному курсу заплатим. А от себя лично я вам и клюковки, и бруснички, и орешков организую.

Смиту надоело слушать этот словесный понос, и только чтобы остановить поток слов, он молча утвердительно кивнул головой. Хотя этот человек вызывал у него стойкую антипатию. Наверняка этот Nissan реквизирован у какого-нибудь коммерсанта, который единственно чем смог насолить экспроприаторам – выбросил ключи от машины куда-нибудь подальше. Теперь, может быть, хозяина уже и в живых нет. А убийцы ходят вокруг машины и облизываются. А ему, господину Смигу, сейчас придется помогать классовым врагам. Но этот бойкий водитель может оказаться чрезвычайно полезным в выполнении главной, неофициальной, цели его визита в Россию – забрать Наталью и сына. Как он это сделает, Смит еще себе не представлял, поэтому отказывать в Обске человеку с машиной в пустяковой услуге по каким-то туманным этическим соображениям для австралийского бизнесмена было бы верхом глупости и недалекости.

Морозные, заснеженные утренние пейзажи за окном «Волги» улаживали глаз и умиляли сердце истосковавшегося по сибирской природе эмигранта. Его сердце таяло от вида занесенной снегом до самой крыши избушки, из трубы которой поднималась витиеватая

лента дыма. От стоящих по обеим сторонам дороги могучих елей, чьи заснеженные лапы, сплетаясь, создавали на пути причудливые арки, в свете фар искрящиеся огнями.

Но стоило въехать в город, как от идиллического настроения гостя не осталось и следа. Построенные на Южной площади небольшие магазинчики, по вечерам привлекавшие покупателей переливами электрической рекламы, теперь являли собой весьма неприглядное зрелище. Темные, безжизненные и пустые, как глазницы у черепа, дверные и оконные проемы, внутри мрак и холод. Редкие прохожие, оказавшиеся в такую рань на улице, использовали руины чьего-то прежнего благополучия как остановочную площадку, где можно было укрыться от пронизывающего ветра в ожидании автобуса.

Зато каждый фонарный столб был украшен двумя перекрещенными флагами: красным с серпом и молотом и бело-желто-черным российским имперским штандартом.

– Вас мы поселим в Доме для иностранных специалистов. Гостиница «Октябрьская», к сожалению, полностью занята делегатами Межрегиональной конференции Фронта национального спасения. Вам там будет гораздо удобнее, чем в «Октябрьской». Хотя не в самом центре, зато, считайте, отдельная двухкомнатная квартира, – предложил Сергей.

Лучше бы он не пытался разыгрывать из себя гостеприимного хозяина, обеспокоенного удобствами постояльца. Это в его исполнении выглядело очень наигранно и лживо.

– Я знаю ДИС. Приходилось бывать в этом отеле. Ничего против него не имею, – официальным тоном ответил бизнесмен.

– Вот и чудесно! Там вам будет достаточно спокойно. Лишь на втором этаже проживают двое специалистов из Ирана. Правда, на следующей неделе ожидается приезд крупной делегации из Китая. Вы когда планируете уехать из Обска?

– Это будет зависеть от того, насколько продуктивно пройдут мои переговоры с руководством области. Возможно, мне нужно будет посетить обский север и Кузбасс, чтобы окончательно замкнуть схему.

– Наша группа в полном вашем распоряжении. В руководстве области очень заинтересованы в результативности вашего визита. Стране для закупки продовольствия и лекарств сейчас, во время экономической блокады, как никогда нужна валюта. Поэтому приветствуются любые деловые контакты на международном уровне.

Сергей не удержался и добавил тихо:

– Даже с бывшими соотечественниками.

Смит уже открыл рот, чтобы что-то сказать в собственное оправдание, но затем передумал и промолчал.

Номер люкс состоял из двух комнат. Первая представляла собой своего рода гостиную. Диван был обит красным бархатом. На полированном столе лежала ажурная пластиковая салфетка, а на ней стояла большая хрустальная ваза с искусственными цветами. Облезлый сервант с чашками и фужерами, еще не старый холодильник «Бирюса», массивная деревянная тумба с потерявшимся на ее необъятной поверхности малюсеньким телевизором Funai без пульта дистанционного управления завершали убранство гостиной.

В спальне по разным углам располагались две большие деревянные кровати с облезшей полировкой и продавленными чуть ли не до пола матрацами. Спать можно было исключительно на боку: на одной кровати – на левом, на другой – на правом, чтобы пружина не впивалась в позвоночник. Выключатель был загорожен огромным шифоньером, до него с трудом можно было дотянуться только указательным пальцем. И за всю эту роскошь господину Смит пришлось заплатить по триста американских долларов за сутки. За неделю он выложил две тысячи сто баксов, как за люкс в отеле Hilton в центре Сиднея. Удобства – ванная комната и туалет – находились за пределами номера. В маленький коридор выходили

еще две двери, которые пока были закрыты на замок. Но с приездом большой китайской делегации эти комнаты наверняка обретут своих постояльцев.

– Пожалуйста, располагайтесь. Чувствуйте себя как дома, – Сергей по-хозяйски показал гостю отведенные для него апартаменты. – Полагаю, что с дороги вам не помешало бы отдохнуть. Сейчас начало девятого. Если мы заедем за вами, скажем, часиков в пять вечера, вас это устроит? Сегодня по программе ужин с помощником генерал-губернатора товарищем Сизовым. С ним будет лучше всего согласовать ваш дальнейший маршрут. А пока отдыхайте, если захотите чаю или чего-нибудь перекусить, обратитесь к дежурной по этажу. Валюту можете поменять внизу. Всего доброго. До вечера.

Сергей с Оксаной удалились, оставив гостя одного.

Австралиец не стал звонить ни дежурной, ни портье. Он достал из дорожной кожаной сумки блестящую фляжку, в которую входило ровно пол-литра виски, налил полный, почти до краев, стакан янтарной жидкости и выпил ее жадно, в три глотка, закусив припасенным из перелета Франкфурт – Москва плавленым сырком, лег в постель и провалился в бездну кошмаров.

Константин Евгеньевич Веселый, сорокалетний секретарь обкома Фронта национального спасения по идеологии, проснулся от удушья. Он лежал на диване в трехкомнатном люксе гостиницы «Октябрьской» совершенно голый. На полу, на ковре, свернувшись калачиком, сопели три девицы, тоже в чем мать родила. Возле входной двери на стуле, вытянув вперед ноги, храпел охранник с расстегнутой на штанах ширинкой. На столе теснилась батарея из пустых и полупустых бутылок из-под водки и шампанского.

Константину Евгеньевичу катастрофически не хватало кислорода, резало желудок и жутко ныла печень.

Собрав остаток сил, он кое-как поднялся с дивана и неуверенно, пошатываясь, поплелся к окну – открыть форточку. Морозный воздух освежающим потоком ворвался в прокуренную, пропахшую потом и алкоголем комнату. Веселый жадно глотал этот бальзам. Одна из девиц, которая ближе других лежала к окну, во сне стала шарить руками вокруг в поисках чего-нибудь, чем можно было бы укрыться, и уже почти дотянулась до валявшегося рядом покрывала, но Веселый, недобро улыбнувшись, не поленился, поднял покрывало и бросил его на диван. Оставив форточку открытой, он подошел к столу, погромыхал бутылками и, не найдя впотьмах искомого, окликнул охранника:

– Анатолич, у нас пиво осталось?

Огромнейший мужик, под два метра ростом, косая сажень в плечах и кулаки размером с пивные кружки, вскочил со стула как ошпаренный, вытянулся перед тщедушным начальником по стойке «смирно» и глупо хлопал глазами, не врубаясь спросонья, чего от него требуют.

– Ты сколько пива вчера на заводе взял, старый болван? – конкретизировал первоначальный свой вопрос секретарь обкома.

– Как приказывали – ящик!

– Так где же оно?

– Не могу знать. Должно быть, выпили! – громко ответил детина.

– Целый ящик? – изумился Веселый.

– Так бабы-то поначалу к одному пиву прикладывались. Это уж потом, когда вы им пригрозили, что на лесоповал отправите, если пить по-людски не начнут, они стали «ерша» делать. Одна даже облевалась, пришлось за ней конвой вызывать, а потом еще и горничную, чтобы постель поменяла и вымыла пол.

Веселый выругался и взял в руки недопитую бутылку водки. Но хитрый Анатолич опередил его и выставил на стол перед шефом бутылку «портера».

– Специально для вас, Константин Евгеньевич, припрятал.

– Врешь поди, – удовлетворенно промурлыкал шеф. – Но все равно приятно.

– А как наши гости? – потягивая пиво, спросил Веселый.

– Думаю, что на седьмом небе от удовольствия. Вы же вчера им такую программу заказали! Вся «Березка» только их одних обслуживала. Варьете. Сауна. Девочки. Как в гостиницу приехали, Петр Павлович сразу забрал двух в спальню и только раз вышел в ванную, выпил и обратно на ложе любви. Очень он доволен. Девчонки по нраву пришлись. Референту только не повезло. Помните, как он из спальни облеваный выскочил? Но вы, Константин Евгеньевич, как истинный дипломат, и этот конфликт замяли, свою барышню вовремя уступили. Он забрал ее и больше из своей комнаты не появлялся.

– А ты что же, так и просидел на стуле всю ночь? – задал провокационный вопрос подчиненному партийный босс.

Анатолич поймал взгляд начальника, застегнул ширинку и, потупив глаза, ответил:

– Пока начальство отдыхало, я из соседнего номера через глазок следил за порядком, а когда все заснуло, я согласно вашим же инструкциям перешел в этот номер и сел на выходе: мало ли что может этим дурам в голову прийти? По-стариковски побаловался с одной. Но бдительности при этом не терял.

Веселый примирительно похлопал телохранителя по плечу и сказал:

– Другому нарушения субординации не простил бы, но с тобой, старик, нас многое связывает. Главное, чтобы гости не знали. Не поймут.

– Что вы, Константин Евгеньевич, разве при посторонних я бы посмел...

– Ладно-ладно, забудем. Скажи лучше, что с этими подругами будем делать? Я домой хочу, к Ольге под теплый бок. Их же одних здесь не оставишь?

– Может, конвой вызвать, пусть их заберут? – высказал предложение Анатолич, который тоже не возражал провести остаток ночи в своей постели. – А Ленке и Светке гостей можно доверить.

– А вдруг москвичи проснутся, и их с похмелья на любовь потянет? И пролетим мы с тобой, как фанера над Парижем. Нет, долг гостеприимства обязывает нас предусматривать любые возможные желания наших гостей. Не забывай, что мы сейчас принимаем ближайшее окружение второго человека в партии. Я уже многим обязан этим людям, и они еще больше для меня могут сделать. Мы поступим так. Ты отдаешь мне ключи от машины. Я еду домой. Ты остаешься здесь и смотришь за порядком. Как гости просыпаются, ты поступаешь в их полное распоряжение и занимаешь их приблизительно до обеда. Потом я тебя сменяю. Только баб больше не трогай.

– Обижаете, Константин Евгеньевич, – покорно принял свою участь слуга.

Домой Веселый подъехал, когда уже начало светать. Он посигналил дважды короткими гудками, затем быстро мигнул фарами. Через считанные секунды от огромного трехэтажного особняка отделилась маленькая, закутанная в шаль фигура. Лязгнув засовами, женщина широко распахнула ворота. BMW въехала во двор. Веселый не спешил выходить из машины. Встречающая закрыла ворота, обошла машину и стала ключом открывать гаражный замок. Застывший металл не поддавался. Она несколько раз попыталась повернуть ключ, но безрезультатно.

– Ладно, пойдем в дом. А то совсем околеет. Анатолич к обеду подъедет, откроет гараж. Никто не умыкнет у секретаря обкома машину со двора, – сказал Веселый.

Поднимаясь по мраморному крыльцу, Константин поскользнулся и грохнулся прямо на ступеньки.

– А-а! – завопил он благим матом. – Сколько раз говорил этому старому крестину, чтобы приклеил резиновый коврик. Так же можно и без головы остаться.

– Под ноги смотреть надо, – жестко констатировала молодая женщина.

– Ты хоть не дуйся! Сама прекрасно знаешь, кого я развлекал этой ночью, – сказал Веселый, поднимаясь с крыльца и отряхивая снег с брюк. – Тебе ли не знать, какой Петр бабник. Я не раз замечал, как он на тебя смотрит. Вот-вот готов наброситься.

Они зашли в дом. Ольга сняла с себя шаль и осталась в одной ночной рубашке. Она озорно посмотрела на мужчину и, сверкнув своими черными глазами, сказала:

– Просто у Петра Павловича хороший вкус. В отличие от некоторых.

Костина участь на это утро была решена. И хотя он нагулялся за прошедшую ночь, как мартовский кот, но оставить без ответа столь откровенный вызов не мог.

Скинув дубленку на рогатую вешалку в прихожей, он глянул на себя в зеркало и, подкравшись к Ольге сзади, обнял ее и проворковал:

– Прости. Все равно тебя я люблю больше всех.

Она отстранилась от него, повернулась, посмотрела ему в глаза и произнесла:

– Врешь, ой, врешь...

– Готов поклясться чем угодно!

Она вопросительно взглянула на него, потом покачала головой и сказала:

– Иди под душ, клятвопреступник.

Секретарь обкома лежал на широченной, как аэродром, кровати. Оля, разметав свои длинные волосы по подушке, лежала рядом и смотрела на отражение их обнаженных тел в зеркальном потолке.

– А твоя Татьяна Юрьевна лучше меня делает это? – тихо спросила она любовника.

Константин не ответил. Он спал.

2. Утренние воспоминания. Ольга

Ей не спалось. Обычно на сон ей хватало трех-четырех часов, и свою норму она отоспала в первой половине ночи. А сейчас уже солнце серебрило заснеженные крыши соседних домов. Отражаясь в оцинкованном железе, оно слепило ей глаза. Оля встала с постели, задвинула тяжелые портьеры, и в комнате сразу воцарился полумрак. Подошла к камину, медными щипцами отыскала тлеющую головешку и прикурила от нее. Упала в стоявшее рядом глубокое кресло и, потягивая легкий ментоловый дым, задумалась.

Ее связь с Веселым продолжалась уже шестой год. Они познакомились в тот день, когда она получила диплом врача. Вечером в кафе собралась почти вся их группа – двадцать девчонок. Они откупили весь зал. Но когда ближе к закрытию в кафе вошли двое интересных, хорошо одетых молодых людей, уже веселые врачихи их не прогнали, а наоборот, приняли в свое общество с радостью.

Костя и Коля, так звали вновь прибывших, оказались довольно серьезными бизнесменами, они только сегодня проводили своих женщин отдыхать: Коля отправил жену и сына к родителям в деревню на Алтай, а Костя – сожительницу с дочерью в санаторий на Черное море. И сейчас намеревались по полной программе отметить свалившуюся на них свободу. Компания молодых медичек пришлась им в самый раз. Парнями они оказались компанейскими. Балагурили, шутили, танцевали без устали весь вечер со всеми девчонками подряд. А после, несмотря на изрядное количество выпитого спиртного, сами сели за руль своих лимузинов и предложили дамам развести их по домам.

Но Костя Олю не отпустил, а предложил ей посмотреть офис их фирмы, где, по его словам, имелась самая богатейшая в Обске коллекция картин известного местного художника. Она поначалу упрямилась, говорила, что ей надо срочно домой, что ее ждет муж, но новый знакомый был настойчив.

– Всего-то на пару минут заскочим, посмотришь картины – и домой. Зато будешь знать, где меня найти, – убеждал ее красноречивый поклонник.

А Ольгу от его слов бросало в дрожь.

Она знала, чем закончится это посещение офиса, но сама хотела этого. От парня исходила какая-то вкрадчивая, порочная притягательная сила. Она видела, что это пижон и бабник. Она терпеть не могла таких мужчин. Ей всегда нравились цельные и волевые натуры, высокие и сильные. Как ее муж. Этот же был прямой противоположностью ему. Хлипкого, можно сказать, женского телосложения, с хрупким птичьим скелетом, Костя более походил на мальчика-подростка, но никак не на мужчину средних лет. Он так забавно прихорашивался, приглаживал зачесанные назад, сбрызнутые лаком волосы, смотрясь в зеркало заднего вида. Совсем как четырнадцатилетняя девчонка, первый раз в жизни собирающаяся на танцы.

Но именно эта его детская непосредственность и пленила ее. В отличие от большинства своих сверстников, Костя в то время еще сохранил юношеское восторженное отношение к женщине. Казалось, что весь смысл его жизни в минуты их общения был заключен только в ней одной. Для него не существовало на свете ничего другого, кроме нее: ни бизнеса, ни каких-либо обязательств ни перед фирмой и компаньонами, ни перед родителями, ни перед другой женщиной, с которой он не перестал жить, начав встречаться с Ольгой.

Сколько раз она давала себе зарок больше не видеться с ним, но стоило ему позвонить и промурлыкать что-то ласковое по телефону, как она забывала про все на свете и мчалась на свидание с ним. А, взглянув в его похотливые глаза, которые буквально пожирали ее, ни о каком разрыве она уже не могла заикнуться. Он умел смотреть на нее так, как будто все мужчины мира воплощались в нем в этот момент и сторали от нетерпения обладать ею.

Да, Костя был бабником по призванию, по своему предназначению на земле. Как Дон-Жуан. Спаситься от него у Ольги не было никаких шансов.

Еще совсем недавно она себе и представить не могла, что будет делить мужчину с какой-то другой женщиной.

Ольга всегда знала себе цену. Внешностью Бог ее не обидел. Высокая (под метр восемьдесят), стройная, ноги растут чуть ли не от плеч. Стоит ей надеть короткую юбку и пройтись по городу, редкий мужчина не проводит взглядом эдакую кралю. Муж осознавал это, постоянно ревновал и боялся потерять ее. И потерял.

Она с ним рассталась буквально через месяц после знакомства с Веселым. Детей у них не было, и разрыв с ним для Ольги прошел безболезненно и естественно. В отличие от мужа, который постоянно продолжал приходить к ней на новую квартиру, которую он сам, правда по ее просьбе, снял для нее, и просил вернуться, попробовать все начать с начала.

Но чем больше он плакался, тем противнее становился для нее. Однажды она не вытерпела и выгнала его со скандалом, заявив, что больше дверь ему не откроет. И он перестал ходить.

Костя тоже должен был расстаться со своей сожительницей. Но под всевозможными предложениями он оттягивал это событие.

Ольгу такое положение не устраивало. Убедившись, что Константин не сможет раз и навсегда самостоятельно разорвать отношения с той женщиной, она сама решила ускорить ход вещей. Позвонила ей по телефону. Представилась. Женщина ответила, что уже заочно через Костю знакома с ней. Ольга этому обстоятельству удивилась, но виду не показала. Она предложила встретиться и обсудить их бабьи проблемы с глазу на глаз. Костина сожительница охотно приняла это предложение.

Каково же было удивление Ольги, когда вместо замученной учительницы средних лет, какой она представляла соперницу по Костиным рассказам, к ее столику в летнем кафе под села интересная – стройная, загорелая, синеглазая – уверенная в себе блондинка и ласково спросила ее:

– Вы – Оля?

Они общались не меньше двух часов. В основном говорила новая знакомая, знавшая Костю с первого класса и прожившая в гражданском браке с ним три года. Срок вполне достаточный, чтобы составить о человеке исчерпывающее мнение. Но что особенно поразило Ольгу тогда – она ничуть не жалела об утрате, наоборот, испытывала какое-то облегчение.

Ольга потом неоднократно мыслями возвращалась к этой встрече. Чем больше она узнавала своего сожителя, тем больше понимала свою предшественницу и вообще роль женщин в судьбе Кости Веселого. Обладая живым воображением, она легко представляла себе, как Константин заводил романы, как занимался любовью с другими женщинами и как их бросал.

Марина была его одноклассницей. Самая красивая девочка в классе, мастер спорта по художественной гимнастике, в школьные годы она на Костю Веселого вообще не обращала внимания. Чем мог ее заинтересовать недоросток, когда самые видные старшеклассники считали за честь проводить ее домой с тренировки? А он страдал. По ночам, мучаясь бессонницей, он вынашивал планы страшной мести ее поклонникам. Вот он станет журналистом, будет делать передачи для Центрального телевидения, как его отец, и в одной из них обязательно разделает под орех этого долговязого верзилу из 10#го «Б», который особенно увивается вокруг Мариночки, и тогда она поймет, кто есть кто, и отдаст свою руку и сердце сильнейшему. Однако Костиным планам не суждено было сбыться. Марина уже на первом

курсе пединститута вышла замуж за какого-то очкарика, профессорского сынка, и вскоре родила ему дочь. Веселый недолго переживал эту трагедию. Все-таки в это время он учился уже на отделении журналистики филологического факультета университета, где объектов, достойных обожания, было несравнимо больше, чем в школе. Вскоре и он женился на будущей журналистке.

После окончания университета, имея на руках годовалую дочь, супруги Веселые поехали по распределению на север области, в Нефтеград.

Три года Костя трудился на ниве журналистики. Он мотался по буровым, готовил репортажи о героях нефтяного фронта для областного телевидения. Это было время горбачевской перестройки, когда после десятилетий жесточайшей цензуры можно было с экрана телевизора говорить не патетическими призывами и лозунгами, а нормальным человеческим языком о людях, которые осваивали Север, создавая необыкновенный город.

Среди тайги и болот буквально на его глазах и при его участии вырастал и хорошел современный и благоустроенный оазис урбанизации. Нефть текла рекой, а за нее капиталисты платили валютой. Поэтому на севере в то время было все. Лучший за Уралом спортивно-оздоровительный комплекс, построенный бельгийцами, где вскоре будут проводиться международные теннисные турниры, пивоварня из Баварии, где посетители бара через стеклянную перегородку могли наблюдать, как в огромнейших никелированных чанах варится золотой ячменный напиток.

Предложение корреспондента областного ТВ Константина Веселого – создать в городе собственное телевидение – нефтяными генералами было принято на ура. Любое финансирование, любая помощь в поставке оборудования, транспорт, помещения были ему обеспечены. И уже через три месяца Нефтеградское телевидение вышло в эфир. Его первоначальные программы не баловали зрителя разнообразием: блок новостей и два-три западных боевика, завезенных на пиратских видеокассетах с очень плохим переводом. Но для неискушенных жителей советского Севера и это воспринималось на пять с плюсом. А потом появилась реклама. И первые деньги, которыми создатели ТВ могли распоряжаться по своему усмотрению.

Вскоре супруги Веселые зарегистрировали свое малое предприятие. Костя стал директором, а Лариса – главным бухгалтером. Потом по предложению жены они выкупили у нефтегазодобывающего управления две трехкомнатные квартиры на первом этаже нового дома по символической цене, якобы на нужды редакции, и открыли в них два магазина: промтоварный и продовольственный. При обилии денег у населения и тотальном дефиците товаров успех их предприятию был гарантирован. Деньги полились рекой.

Веселые сделали дорогой ремонт в новой четырехкомнатной квартире улучшенной планировки. Купили крутую румынскую мебель, Ларисе шубу из чернобурки. В семье было четыре машины: Toyota, BMW, «Волга» и вездеход «Урал», зачем-то купленный по остаточной стоимости у нефтяников. Из них только «Волга» была новой, но даже подержанные иномарки в девяностом году для обского Севера были крутизной.

Но очень скоро выяснилось, что тащить все это хозяйство придется на себе одной Ларисе. На первоначальном этапе, когда что-то нужно было создавать, организовывать, договариваться, энтузиазм и связи Кости, и особенно его отца, собственного корреспондента Центрального телевидения по Обской области, были ощутимы и принесли свои плоды. Но когда дело дошло до повседневной рутинной работы, их творческие натуры самоустранились. Свалив все экономические проблемы на жену, Костя вновь отдался телевидению.

Не то чтобы в нем вновь возник созидательный порыв. Нет. Сейчас он вернулся в журналистику, чтобы погреться в лучах всеобщей признательности и известности.

Он сам уже не готовил передачи, не читал новостей, не ездил в командировки за репортажами. Это делали другие молодые журналисты, которых он нанял на работу. Костя руководил. Впрочем, и это он делал лишь номинально, перепоручив все управленческие функции своему заместителю. Решив, что жизнь удалась, дело поставлено и финансовый фонтан не иссякнет до конца его дней, Веселый приступил к воплощению своей юношеской мечты – обладанию многими женщинами. Поклонниц была масса, холостых друзей тоже, денег в своих магазинах он мог брать, сколько хотел.

Однажды Лариса уехала в Новосибирск, внучку бабушке с дедушкой на побывку доставить, а попутно закупить товар для магазинов. А когда вернулась домой, то застала мужа, спящего на супружеской постели в компании двух малолетних девиц. Все были мертвецки пьяные и голые. Она не стала будить Костю и закатывать ему истерику, а собрала свои вещи и ушла к другому мужчине. И никогда об этом своем поступке не жалела.

При разводе нажитое имущество Веселые поделили: Костя забрал весь автотранспорт, дачу и продуктовый магазин, а квартира и магазин промышленных товаров остались у Ларисы. Но если женин бизнес процветал, то Константин спустил свое добро буквально за полгода и с последними деньгами нарисовался у родителей в Обске.

Тогда-то в его жизнь вошла Марина Войцеховская. От бывших одноклассников он узнал, что его школьная любовь разошлась с мужем, живет на старой родительской квартире одна с одиннадцатилетней дочерью, работает учительницей в частной гимназии.

Веселый понял, что пробил его звездный час. И как-то поздним осенним вечером с букетом цветов, бутылкой шампанского и тортом он явился в гости к Марине. Та, конечно, очень удивилась неожиданному гостю, но приняла его радушно. На нее произвели впечатление перемены, произошедшие в Косте за те двенадцать лет, что они не виделись.

Сейчас это был уже не избалованный пай-мальчик из номенклатурной семьи, а довольно-таки интересный молодой мужчина с резкими, угловатыми, как у кавказцев, чертами лица и пылающим взором, к тому же, по его словам, он преуспевал на предпринимательской стезе.

А Марину безденежье и самая натуральная нищета последних лет угнетали ужасно. В гимназии она получала меньше ста долларов в месяц, и Войцеховский изредка подбрасывал ей на воспитание дочери долларов двадцать. Вот были и все ее доходы. А с экрана телевизора, особенно в рекламных роликах, демонстрировалась совсем другая жизнь: с райскими наслаждениями и искушениями, красивыми мужчинами и женщинами, которые одевались в роскошные наряды, вкушали изысканные блюда, путешествовали по всему миру и любили друг друга каждую ночь до изнеможения. У Марины же после развода с мужем не было постоянного мужчины.

И тут появился Константин. Гадкий утенок из сказки Андерсена, превратившийся в прекрасного лебедя. Принц пришел за спящей царевной.

Костино самолюбие, израненное в юности любовными обидами, было удовлетворено на все сто процентов. Он обладал женщиной, о которой грезил все школьные годы. Причем она ничуть не изменилась с той поры. Та же спортивная фигурка, упругая бархатная кожа. А пластика! Мариночка и сейчас легко садилась на шпагат. А что она вытворяла в постели!

Такой изголодавшейся любовницы у Веселого давно уже не было. Он был счастлив.

Рестораны и презентации, куда бизнесмена с Севера еще приглашали в расчете на дальнейшее сотрудничество и куда он брал с собой Марину; импортные продукты в блестящих упаковках, которые изредка, в основном в качестве закуски к спиртному, приносил Костя к ней домой; то, как он тратил деньги не считая, – все это создавало в ее глазах образ крутого магната, с которым по счастливейшему совпадению обстоятельств связала ее судьба. А уж когда Константин привез ее на Рождество в Париж, у Марины исчезла и тень сомнения

в состоятельности ее поклонника, она для себя решила четко, что это тот человек, который ей нужен, и что она любой ценой будет удерживать его возле себя.

После возвращения из Франции Костя без долгих раздумий перевез свои вещички к Мариночке. Узнав об этом событии, его мама – заслуженный врач Российской Федерации на пенсии – встала на дыбы: зачем сдалась тебе эта старуха, молодых девок что ли мало?

Эти слова не прошли даром, где-то на периферии его создания поселился злокачественный вирус сомнения, и он даст еще свои уничтожающие плоды. Но пока Костя упорно стоял на своем: мне с ней хорошо, и я буду жить, с кем хочу.

Он очень четко уловил один неискренний момент в материнских наставлениях. Ведь уже больше года его отец находился на пенсии, мама же еще раньше ушла на заслуженный отдых, и Веселые, привыкшие жить на широкую ногу, стали нуждаться в деньгах. Пенсии хватало лишь на необходимый минимум. А как же быть с традиционными поездками на уик-энд на дачу – с шашлыками и непомерной выпивкой? Вначале они старались приглашать своих старых друзей. Но кто-то уже отошел от дел и находился не в лучшем финансовом положении, а те, кто еще оставался на коне, были вынуждены каждый день защищаться от натиска молодой и наглой поросли новых русских, жаждущих любой ценой пробиться до кормушки. Похмелье для таких людей стало непозволительной роскошью. Отец пытался подвизаться подле власти, он устроился помощником к депутату Государственной думы от КПРФ, но это была лишь перспектива – когда-нибудь в дальнейшем получить определенные материальные блага, в случае если коммунисты вновь вернутся к власти. Пока же депутат жадничал, ему самому было мало, что уж говорить о помощнике-пенсионере. Оставалась одна надежда на сына.

К тому времени Костин северный кошелек иссяк. О былых победах напоминал лишь десятилетний микроавтобус Toyota красного цвета с правым рулем. Он постоянно ломался, но имел два неоспоримых, с точки зрения Веселого, преимущества: в него можно было загрузить одновременно с десятка девчонок, а когда подушки его сидений раскладывались, то получался огромный диван, настоящий сексодром.

Вначале Константин приклеился к своему старому школьному другу, который занимался «обналичкой». Веселый так расхвастался своими северными связями и знакомствами отца, что школьный приятель принял его в партнеры. Однако работник из него оказался, прямо скажем, никудышный, зато по части выпить и погулять он был большой дока. И вскоре дела фирмы пошли вразнос. Бизнесмены больше времени уделяли пьянству и девочкам, нежели делам своего предприятия. Вскоре деньги у друга тоже кончились, и он Косте перестал быть интересным.

Первое время Олина жизнь с Веселым протекала сносно. Аренда ее квартиры была оплачена первым мужем на два года вперед. Хотя Константин грозился, что вот-вот они переедут в новые хоромы, которые он должен был получить с одной сделки. Но этого не случилось. Квартиру у Кости забрали за долги. Их материальное положение становилось все хуже и хуже. Веселый ссылался на финансовый кризис, который похоронил весь бизнес. Если бы не помощь ее родителей, им бы даже на питание не хватало. Ольга уже начала верить в правдивость Марининых слов о никчемности этого человека. Но тут произошла революция.

«Выстрелили» папины связи в КПРФ. По протекции отца Костя стал референтом секретаря обкома Фронта национального спасения. Вот когда пригодилось его умение устраивать пирушки, ублажать партийных боссов в ресторанах и саунах. Он бы так и остался в разряде шестерок, если бы не случайная встреча в Москве с еще одной старой любовью – Татьяной Юрьевной.

Первый конгресс ФНС по причине большого числа участников проходил в спорт-комплексе «Олимпийский». Костин шеф был его делегатом. А Веселый его сопровождал.

В перерыве между пленарными заседаниями в буфетах продавали продуктовые наборы: красная икра, растворимый кофе, тушенка, персиковый компот и килограмм фасованного длинного риса. Приобретение этих деликатесов обский делегат возложил на своего помощника. Отстояв почти полчаса в очереди, Константин умудрился отхватить паек не только для начальства, но и для себя. Чем был весьма доволен.

Он спускался на первый этаж, держа в каждой руке по пакету, когда его окрикнули сверху:

– Костя!

Веселый обернулся. Облокотившись на перила, в группе людей, мимо которых он только что продефилировал, стояла Татьяна Юрьевна и улыбалась. Вязаное серое платье некрасиво облегалo ее дородную фигуру. Костя тоже улыбнулся и подошел к ней.

– Привет. А ты здесь что делаешь? – спросил он ее.

Татьяна поправила очки (раньше она их не носила) и, словно извиняясь, ответила:

– Я здесь с папой. Помогала ему делать доклад.

Она подергала за рукав пиджака невысокого, круглого лысеющего мужчину, стоявшего к ним спиной и о чем-то энергично дискутирующего с пожилой дамой. Наконец он внял дочерним приставаниям и обернулся.

Костя от неожиданности чуть не ахнул. Перед ним стоял не кто иной, как сам Юрий Иванович Селин, человек, которого всего несколько часов назад избрали в секретариат и Центральный комитет Фронта и на которого конгрессом была возложена вся идеологическая работа в ФНС.

– Папа, познакомься. Это Костя Веселый из Обска.

Бедный референт не знал куда деть пакеты с едой, наконец ему кое-как удалось освободить правую руку.

– Очень приятно, молодой человек, – Селин в крепком рукопожатии затряс Костину руку. – А Евгений Семенович Веселый – не родственник вам?

– Это мой отец, – ответил смущенный Костя.

– Толковый был публицист. Живой, яростный и в то же время вдумчивый и понимающий.

– Костя тоже по образованию журналист, и тоже телевизионщик, – вставила Татьяна.

– А почему ты мне раньше об этом не сказала?! Константин, ты просто не представляешь себе, как нам нужны такие люди, как ты! Эти ничтожные пижоны с ОРТ и НТВ, жалкие прихвостни олигархов, как тараканы разбежались, попрятались по щелям и думают, что без них мы не сможем создать новое телевидение. Наивные людишки! Но, слава Богу, в нашей стране остались настоящие патриоты и профессионалы. Сибиряки, которых не сломишь долларовыми подачками, не завлечешь дьявольской мишурой. Константин, я тебя очень прошу – найди завтра время часиков в 11, забеги ко мне на Старую площадь. Знаешь, где раньше была Администрация Президента? У дежурного будет пропуск на твое имя. Он тебя ко мне проводит. Мне хочется поподробнее поговорить с земляком. А сейчас извини, нет времени.

– Татьяна, не давай гостю скучать! – уже на ходу бросил он дочери.

Веселый был на вершине блаженства. Наконец-то свершилось! Судьба дает ему шанс подняться, восстановить семейные позиции, утраченные за время рыночных реформ. Сейчас уж он своего не упустит!

– А ты похорошела, Танечка. Столичный воздух пошел тебе на пользу.

Женщина зарделась, поправила очки и сказала:

– А ты практически не изменился. Только морщины у рта прорезались. Часто, наверное, смеешься. Но с ними ты еще больше стал похож на актера Александра Абдулова. А как поживает твоя Мариночка?

- Мы с ней давно расстались. Почти сразу, как ты уехала, – соврал Веселый.
- И где же ты теперь живешь?
- Снимаю квартиру.
- Один?
- Это нескромный вопрос для одинокого мужчины.
- Я тоже не замужем, – призналась Татьяна Юрьевна.

Она провела ночь в его номере в гостинице «Россия». А утром он был принят в официальной обстановке ее отцом, уже окончательно утвержденным Пленумом ЦК в ранге второго лица в партии. Юрий Иванович откровенно объяснил Константину, что озабочен неустроенностью личной жизни дочери, и что человек, который станет мужем Татьяны, может рассчитывать на серьезную помощь с его стороны в плане продвижения по служебной лестнице и улучшения социального статуса семьи, их семьи.

Селин предложил будущему зятю два варианта: либо возвращаться в журналистику, тогда он поможет с работой в Останкино, либо продвигаться по партийной лестнице, а для этого лучше начинать с провинции. Веселого, конечно, тянуло в Москву. Он был готов хоть сегодня бросить Ольгу, собрать вещички и рвануть в столицу. Но в то же время он понимал, что путь к настоящей власти начинается именно в этих серых, безликих кабинетах, с рутинной канцелярской работы. И поэтому он выбрал провинцию.

На следующий день они с Татьяной Юрьевной подали заявление в ЗАГС Центрального округа. Вернувшись в Обск, Константин Евгеньевич переехал в кабинет своего бывшего шефа. Беднягу арестовали за злоупотребления служебным положением. Еще через неделю, так же по воле случая, освободилось подходящее для молодоженов жилье.

Гриша Травников, закадычный Костин кореш, такой же любитель спиртного и женщин, был осужден за незаконные валютные операции (пытался продать на рынке сто долларов) на десять лет с конфискацией имущества. Все деньги, что он заработал в мутной воде рыночной экономики, Гриша вкладывал в строительство собственного особняка. Ездил на старой машине, забыл об отпуске, а все строил и строил. На первом этаже, по его замыслу, должны были располагаться бассейн, сауна и оранжерея. Второй этаж – гостиная, каминный зал, библиотека, кухня и столовая. На третьем – спальни, кабинет и бильярдная. В пристройке – гараж. Причем все это должно быть отделано по самым высоким стандартам. Пол в каминном зале – исключительно из натурального гранита, подоконники – из мрамора.

Травников часто возил Костю на эту стройку похвастаться, чего он успел сотворить новенького. И когда Григорий загремел под фанфары, Константин приложил все свои силы и связи, чтобы собственность его товарища не досталась кому-нибудь постороннему. Это было сделать нелегко. На элитное жилье раскулаченных новых русских всегда было много охотников. Гришин дом облюбовал зам. начальника Советского РОВД. В этой неясной политической ситуации никто из местного начальства не хотел напрягать отношения с милицией. Поэтому Константину, чтобы занять Гришин дом, пришлось обращаться за помощью в Москву, к будущему тестю. Тот вышел на МВД, оттуда в областное управление внутренних дел поступила команда товарищу-милиционеру – подыскать себе какой-нибудь другой домик, а зятя второго человека в партии не только оставить в покое, но и охранять его благоденствие.

Труднее было объяснить все происходящее Ольге. Она никогда не забудет, как, вернувшись однажды вечером домой, увидела Костю сидящим посередине комнаты на чемодане.

- Ты снова в командировку? – устало спросила она.
- Можно и так сказать. Только в очень длительную, – ответил он, не поднимая глаз.
- На сколько? На месяц? – занервничала женщина.

Он, наконец, встал, подошел к ней, помог снять плащ и, обняв сзади за плечи, сказал:
– Оля, я должен жениться на другой женщине.

Что было потом, она помнит смутно. Рыдала, причитала, падала в обморок. Он отпаивал ее валерианкой, гладил по голове и все твердил:

– Так надо.

Свадьбу отпраздновали в ресторане «Метрополь» в узком кругу. Родители невесты и жениха и несколько товарищей тестя по партии с женами. Правда, генерального секретаря на торжестве не было. Он в это время находился на Кубе с дружественным визитом. Прислал только поздравительную телеграмму. Медовый месяц молодые провели в Сочи. Затем Татьяна Юрьевна недельку погостила в доме, который приготовил для нее суженый, и вернулась в Москву. Она работала над докторской диссертацией, и ей чуть ли не ежедневно требовались все новые и новые материалы из Библиотеки имени Ленина. Встречаться молодыжены договорились не реже двух раз в месяц. Пока Костя зарабатывает партийный стаж в провинции, а Таня грызет гранит академической науки в столице.

Их встречи происходили в основном в Москве. Вскоре после замужества Татьяна Юрьевна получила четырехкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной. У супруга всегда находились дела в златоглавой столице. Обск законная жена посетила лишь однажды – на семидесятилетие свекра. Детей у них не было. До защиты докторской продолжение рода не входило в планы Татьяны.

Через пару месяцев Константин завалился к Ольге. Она не выгнала его исключительно из страха. В городе уже шли повальные аресты, суды работали на полную катушку, но много людей просто пропадало бесследно. Газеты пестрели заголовками «Помогите найти человека». Но никто никого не находил. А ее бывший сожитель был из тех, кто помогал другим теряться.

Прямо с порога он предложил ей работу домоправительницы. А чтобы не дать повода для сплетен и не навредить его моральному облику, она должна была фиктивно выйти замуж за его водителя Анатолича. Он будет тоже жить с ними в одном доме, только на другом этаже. Но если вдруг из Москвы прилетит его жена, то ей с Анатоличем надлежит разыгрывать роль счастливых супругов. Но если, не дай Бог, они увлекутся, то в лучшем случае магаданский лагерь им обоим будет обеспечен.

Противно запищал радиотелефон. Ольга неохотно встала с кресла, подошла к туалетному столику и взяла трубку.

– Алло, – зевая, протянула она.

– Доброе утро, Ольга Павловна. Это беспокоит Сизов, помощник генерал-губернатора.

– Здравствуйте, Саша.

– Извините за беспокойство в столь ранний час в воскресенье. Но сегодня интересная встреча вызревает. Как бы мне услышать Константина Евгеньевича?

– Сашенька, пожалуйста, пожалейте его. Он только час назад вернулся с приема московских гостей и сейчас спит как убитый. Если сообщение не секретное, то можете оставить его мне, я ему передам, как проснется. Или сами перезвоните ближе к обеду.

– Какие от вас могут быть секреты, Ольга Павловна? Просто тут один старый знакомый Константина Евгеньевича объявился. Некто Джордж Смит, он же в прошлом Георгий Кузнецов. Наш земляк, а теперь – австралиец. У меня с ним сегодня деловой ужин. Если Константину Евгеньевичу будет интересно встретиться с товарищем по университету, то может к нам присоединиться. Мы будем в «Золотом драконе» после пяти.

Ольга отключила телефон и произнесла вслух:

– Бедный Жора! Что ж тебе не жилось-то среди кенгуру?

3. Дневные воспоминания. Георгий

Он проснулся в полдень по обскому времени. В Сиднее было уже два часа дня, в Москве – восемь утра, а во Франкфурте-на-Майне – всего шесть часов. Вот и ломай голову – поздно или рано. А она гудит, словно самолетная турбина: то ли от выпитого перед сном виски, то ли от перелета с одного края Земли на другой транзитом через третий. Для полноты впечатлений не хватало промежуточной посадки где-нибудь в Магадане. Хотя вполне возможно, что она еще впереди. Но более всего ныла поясница. Пружины особенно ощущались в середине матраца, там, где заднее место лежащего на нем переходит в спину. И сейчас австралийцу казалось, что его тело переломилось пополам.

Серьезным волевым усилием Смит заставил себя подняться с этого прокрустова ложа. Достал из сумки туалетные принадлежности и, не одеваясь, в одних плавках поплелся через коридор в ванную. Холодный душ и бритье с ментоловым кремом несколько взбодрили его, но состояние разбитости до конца не исчезло, а лишь слегка отступило на второй план.

Облачившись в тонкий спортивный костюм темно-синего цвета с британским флагом на спине и белыми звездами на рукавах, он позвонил дежурной и заказал крепкий чай и бутерброды с сыром и колбасой. Она заказ приняла, но напомнила, что оплачивать питание необходимо сразу и только в рублях. Смит выругался по-русски и пошел вниз к портье менять доллары. Каково же было изумление, когда за сто баксов ему выдали всего пять тысяч сто рублей.

– Это же настоящий грабег. Даже в Москве спекулянты в аэропорту и то дают десять тысяч, – возмутился он.

– Ничем не могу вам помочь. Таков официальный курс Государственного банка. Не я его устанавливаю. А вы что, продавали доллары спекулянтам? – поинтересовался портье, крепкий пятидесятилетний мужчина с волевым лицом.

– Лучше бы продал, – зло отрезал Смит, сгреб свои жалкие рубли и пошел прочь.

– Не советую этого делать, – послышалось вдогонку. – Десять лет строгого режима. Даже для иностранцев.

Это была последняя еда, которую он заказал себе в номер. Во-первых, за два бутерброда и стакан чая с него слупили почти пятьдесят долларов. Во-вторых, колбасу есть было решительно невозможно, ибо сои в ней было гораздо больше, чем сала, а чай, похоже, заварили не позднее недели назад, а затем с помощью соды в нем просто поддерживался присутствующий этому напитку цвет. Он съел только сыр и хлеб и запил добрым глотком виски из своей фляжки.

Делать было абсолютно нечего. Наталья категорически запретила ему звонить ей домой. Она сама должна была найти его. Смит включил телевизор. По первой программе шел «Сельский час». Бывший фермер из Саратовской области горячо убеждал журналиста, насколько здорово работаете вместе, рука об руку с другими крестьянами в товариществе по совместной обработке земли. И трактор «К#700» они сообща купили, и комбайн «Дон#2000». А как выйдут все десять семей в поле во время посевной, так за считанные дни управятся. Не то что раньше, когда каждый поодиночке горбатился. И со сбытом продукции теперь проблем нет. Весь урожай еще на корню скупает потребительская кооперация, хлебоприемные пункты или городские предприятия, которые за продовольствие готовы поставить что угодно. Правда, урожайность в ТОЗе несколько снизилась по сравнению с той, какую получали фермеры, и продуктивность коров немного упала. Но это издержки переходного периода.

– Были и у нас вредители, которые супротив, значит, перемен на селе. Но, слава Богу, при поддержке нашей новой народной власти мы от них избавились. И сразу легче жить

стало. Скотины в общественном стаде прибавилось. Жилье для городских переселенцев появилось. Да и деревня сразу как-то успокоилась. Не стало раздражающего, значит, фактора. Все теперь ровно живем. Никто никому не завидует, – рассуждал тозовец.

– А как вы относитесь к призыву Фронта о продовольственной помощи села городу? – спрашивает его журналист.

– Оно, конечно, понятно, что горожанам помогать надо. Ведь проклятые империалисты хотят задушить теперь нашу страну голодом. Раз по-другому не вышло. Но тут тоже с умом надо делать. Высокоудойных коров под нож нельзя пускать. Холостых, маститных, тех можно. От них проку мало. А продуктивное стадо – ни-ни. И без семян мы не сможем. Это ж будущий урожай. А так, сколько сдюжим, все городу отдадим. Только б самим до весны дотянуть, – грустно закончил крестьянин.

Смит еще отхлебнул виски и переключил телевизор на другой канал. Здесь транслировалась передача о фольклоре народов мира. Несколько чукчей прыгали по сцене под гудение шаманского бубна.

Австралиец продолжил свое знакомство с программой передач. Обское телевидение. Пожилая крашеная блондинка в очках, которую Георгий помнил еще со студенческих времен в роли дикторши местного ТВ, тем же четко поставленным официальным тоном поведала:

– Сегодня вся наша страна отмечает знаменательный день, день торжества советской законности, давший нашему народу такие права, каких нет больше ни у кого в мире, – День конституции. Сегодня в гостях у программы «Русский час» особенный гость – секретарь Обского обкома Фронта национального спасения по идеологии товарищ Константин Евгеньевич Веселый.

– Вот это номер! – Кузнецов-Смит подскочил от неожиданности и нервно заходил по комнате.

– Мое предприятие уходит за грань допустимого риска, – сказал он себе, глотнул виски и продолжил: – Ну и хрен с тобой, товарищ Константин Евгеньевич. Бог не выдаст, свинья не съест. Я все равно сделаю то, зачем приехал. А там – будь что будет.

Костю Веселого Кузнецов знал еще по университету. Учились вместе на журфаке, только Константин на два курса младше. А потом судьба свела их в бизнесе.

Фирма Георгия поставила в Обск большую партию кассовых аппаратов. Российское правительство вновь поменяло требования к контрольно-кассовым машинам, выкинуло из реестра одни и ввело другие. И многочисленной армии киоскеров снова пришлось изымать из оборота свои денежки на удовлетворение очередной прихоти властей.

Кузнецов любил такие ситуации. Они приносили больше дохода, чем любое стабильное дело. Их надо было только вовремя разглядеть. Это тоже требовало определенных навыков и интуиции. Зато в случае чего такой бизнес всегда можно было легко свернуть без особых затрат. Юношеские мечты о собственном издательстве остались в прошлом. После наезда налоговой инспекции ему, чтобы расплатиться, пришлось распродать все свое имущество. И тогда Георгий дал себе слово никогда не обрести собственность.

– Для успешной коммерции в нашей стране надо иметь три вещи: свежую голову, свободные руки и немного удачи, – учил он уму-разуму своих компаньонов за рюмкой водки. – Заработать на новом поприще – и вовремя успеть смыться. Чтобы у тебя не отобрали заработанное. Вот в чем смысл бизнеса по-русски.

Но в реальной жизни Кузнецов зачастую поступал вопреки своим умным пьяным мыслям. Он дважды разорвался. Побывал и миллионером, и нищим.

Кузнецов понял, что в бизнесе нет друзей, а есть только партнеры, объединенные общими интересами в получении прибыли. Жалость, сочувствие, стремление помочь ближнему – великолепные человеческие качества. Но они хороши по отношению к слабым и обез-

доленным – детям, старикам и инвалидам. Все остальное – ложь, придуманная бездельниками, чтобы доить работяг. Стоит пренебречь этими правилами и, следуя то ли природной доброте, то ли по каким-либо другим мотивам, попытаться поднять какого-нибудь никчемного человека до достигнутого тобой уровня, судьба жестоко покарает тебя. Он не станет богатым, зато ты скатишься до его бедности. Нельзя жалеть и потакать здоровым мужчинам и женщинам в расцвете сил. Помочь им проявить свои природные навыки и способности – да, содержать их просто так, из гуманистических или иных соображений, – нет. Этим ты наносишь вред и им, и себе.

– На свете нет хуже зла, чем неконтролируемая доброта, – любил приговаривать пьяный Джордж.

Школу Георгий закончил с золотой медалью, а университет – с красным дипломом и, единственный с курса, распределился сразу в областную газету. В двадцать пять он был уже заведующим отделом, а в двадцать восемь – первым заместителем главного редактора. Это была карьера по тем временам.

Единственное, что омрачало его продвижение по жизни, – неудачный брак. Другую такую «звезду» в Обске трудно было найти – это признавали все его коллеги, которые весьма сочувствовали ему. Развод стоил квартиры и карьеры. Если бы не происки бывшей жены, Георгий вряд ли ушел бы из газеты. В бизнесе ей труднее было навредить ему.

И вот однажды, оказавшись без гроша за душой, Костя с важным видом посетил офис Кузнецова. И держался при этом с таким апломбом, что старый товарищ по университету не выдержал и, сославшись на неотложные дела, поспешил поскорее распрощаться с неожиданным визитером. Веселый уже понял, что здесь его ждет от ворот поворот. И, уже уходя, как бы невзначай спросил хозяина офиса:

– А ты что, кассовыми аппаратами торгуешь? Моей маме в магазин такой нужен. Дашь в кредит по старой дружбе? Вечером деньги занесу.

Но ни этим вечером, ни следующим, ни через неделю Константин не принес деньги. По причине их полнейшего отсутствия. Он соврал про материн магазин. А кассовый аппарат загнал в ближайшем ларьке за полцены. Отдал долг соседу, который не давал ему проходу, и купил наконец-то еды домой. Не все же сидеть на шее у бедной учительницы.

Георгий узнал новый Костин телефон и напомнил ему, что в приличном обществе долги принято отдавать. Веселый кормил коммерсанта завтраками. Наконец, поняв, что дальше тянуть с возвратом долга нельзя, с покаянным видом появился в конторе Кузнецова.

– Жора, дай любую работу. Я отработаю. Даже с процентами. Просто у меня сейчас черная полоса.

Фирма Кузнецова получила под банковскую гарантию четыре вагона тушенки. Через две недели наступал срок расчета с москвичами за товар, а продано пока было меньше половины.

– Ты говорил, что у тебя есть микроавтобус? – спросил Георгий.

– Да, только у него стартер сломался.

– Сколько тебе нужно денег и времени, чтобы его починить?

– Сто баксов и один день! – выпалил Веселый.

– Вот тебе деньги. Приплюсуешь к своему долгу. Отремонтируешь машину – будешь развозить тушенку по магазинам. За месяц долг отработаешь. Если проявишь инициативу истроишь сразу вагон, получишь два процента комиссионных.

– Жора, сколько стоит вагон тушенки?

– Девяносто тысяч долларов.

Константин быстренько прикинул, что, выполнив это задание, он не только сможет рассчитаться с долгами, но у него еще останется кой-какая монета.

Неделю он честно возил тушенку по магазинам. Коробки были тяжелые, пуда под полтора, а в некоторых магазинах грузчиков не было или они были вечно чем-то заняты, и тщедушному Константину приходилось несладко. К вечеру его тело превращалось в один огромный защемленный нерв. Хотелось плюхнуться в постель и забыться. Но Костя находил в себе силы, принимал душ и, сказав Мариночке, что у них в фирме производственное совещание, приводил микроавтобус в более или менее потребный вид и подъезжал к зданию областной администрации, где дожидался молодую сотрудницу Торгово-промышленной палаты, которую он называл не иначе как Татьяна Юрьевна.

– Прикинь, мы уже два вагона тушенки продали, и еще столько же осталось. А москвичи еще собираются отправлять. Даже не знаю, что мы с ней будем делать. Хотя тушенка идет влет, но по срокам не успеваем. Если банк оплатит по гарантии за нашу фирму, тогда на нас начнут тикать проценты по кредиту, – важно, с видом бывалого дельца объяснял он своей новой знакомой, с которой встретился два дня назад на базе, где забирал тушенку.

Девушка работала в областной комиссии по северному завозу и как раз проверяла наличие на обских базах подходящих товаров для отправки в труднодоступные районы области во время речной навигации. Веселый быстро смекнул, что она может пригодиться, и предложил подвезти ее. По дороге они разговорились, он представился коммерческим директором крупной торговой компании, на время болезни водителя подменившим его. Таня Селина, так звали его новую знакомую, закончила экономический факультет Обского университета и жила на «почтовом» (закрытом городе рядом с областным центром). Отец ее был какой-то шишкой на Обском химическом комбинате, а недавно его перевели в Москву, в министерство. Мама у нее умерла, когда Таня была еще маленькой. Сейчас девушка осталась одна в трехкомнатной квартире. Ей оказалось двадцать семь лет, она ни разу не была замужем. Веселому тут же захотелось посмотреть «почтовый», он там ни разу не был, но все время мечтал побывать. Татьяна Юрьевна обещала помочь с пропуском столь обаятельному новому знакомому.

Зайдя однажды в ее квартиру, он вышел оттуда лишь на следующее утро. Нельзя сказать, чтобы Татьяна Юрьевна пленила сердце такого Казановы, каким был наш Константин. Отнюдь. Чисто внешне она не была женщиной его мечты. Несколько полновата. Такие женщины всегда отпугивали Веселого недостатком темперамента. Однако она была нужна ему, чтобы вновь обрести утраченное положение, вернуться к жизни, которую он привык вести на Севере и первое время в Обске. Ему нужны были деньги и положение, а она была ключом, который откроет заветную дверь. А насчет темперамента он первоначально заблуждался. У Татьяны Юрьевны давно, после несчастной студенческой любви, не было мужчины, поэтому она была голодна, как волчица.

– Костенька, но у нас все средства расписаны до копейки. В первую очередь оплачиваем солярку, мазут, уголь, а из продуктов только муку, крупы и сахар. Тушенка уже стала товаром коммерческим. Ее одни частники на Север прут, – оправдывалась она в ответ на его настойчивые просьбы помочь пристроить хотя бы один вагон. – Попробую закинуть твою тушенку в орсы геологов или нефтяников. Есть у меня там знакомые.

Он чуть не задушил ее в объятиях.

Через пару дней компания Кузнецова заключила договор на поставку восьмидесяти пяти тысяч банок тушенки с отделом рабочего снабжения акционерного общества геологов на условиях стопроцентной предоплаты. Кузнецов был доволен, что оплатил контракт москвичам вовремя и обошелся без банковского кредита. А уж ликование Веселого вообще не было предела. Мало того что он получил обещанные две штуки баксов, так главы фирмы

внял его уговорам, поверил в его «неограниченные» возможности сплавлять товар на Север и принял его в фирму на должность именно коммерческого директора, правда, с трехмесячным испытательным сроком. Но Костя знал, что за это время он совратит кого угодно.

Первое время все шло как по маслу. Он жил у Мариночки. Через день ездил в командировку с ночевкой в соседний райцентр, где фирма строила цех по переработке мяса. Хотя на самом деле направлялся прямоком к Татьяне Юрьевне. Той же говорил, что должен следующую ночь провести у родителей, а сам к Мариночке под бочок. Мариночка его обхаживает, обстирывает, наглаживает, прямо как мать родная, а Татьяна Юрьевна пристраивает товар. Чем не жизнь. Только успевай баб ублажать. Так он к этому и стремился.

Только вот незадача: здоровье стало не то что в молодости. Организм затребовал передышки. А обе девки только вошли во вкус. Общим любовью подавай. И начали они подозревать что-то неладное. К одной приедет – сразу на сон его тянет, к другой – нездоровится что-то. Если б единожды, а то в систему вошло. Да и любовь его стала вялая, безынициативная. Будто и не любовь это вовсе, а исполнение тяжелой повинности.

Ну и прижали бабы мужика к стенке: колись – на стороне пассию имеешь? И выложил Костенька спьяну одной, а с похмелья другой всю правду-матку. И выгнали его обе. А потом подумали-подумали, скучновато одним, и стали звать мужичка обратно. А он возьми им и скажи: я с вами согласен жить только вместе, и любовью мы с вами отныне только вдвоем заниматься будем. В общем, трепал он нервы одной, рассказывая про другую, другой – про первую. И что самое удивительное: обе закатывали ему скандалы, истерики, но терпели его выходки.

Первой не выдержала конкуренции Татьяна Юрьевна. Отец подыскал ей работу в Москве. И она нашла в себе силы – бросила новоявленного Казанову с его проблемами и укатила в столицу.

Веселый после этого как с цепи сорвался. Он стал изменять Марине направо и налево. Затем у него появилась маниакальная страсть донимать женщину заигрыванием с ее четырнадцатилетней дочерью.

– Как только Катьке стукнет шестнадцать, я с ней пересплю. А потом женюсь на ней, а ты станешь моей тещей, – неоднократно заявлял он Марине.

Она старалась не придавать особого значения этим словам, но после того как дочь пожаловалась ей, что дядя Костя, когда матери не бывает дома, пристает к ней: то обнимет ненароком, то заговорит о сексе, Марина поняла, что это серьезно.

Между тем гость студии рассуждал о русском национальном характере, соответствующем ему социально-экономическому укладу и текущему моменту.

– Русскому человеку, я бы даже сказал, российскому человеку, испокон века чуждо было какое-либо накопительство. Вспомните древних славян, живших общинами. Русская литература дает нам немало примеров беззаветного служения обществу. Начиная с Радищева, классики повествуют нам о нелегкой судьбе русского народа. Но заметьте, никто – ни Пушкин, ни Гоголь, ни Толстой – даже и думать не думали, чтобы писать о каком-либо стяжательстве, накопительстве. Для них русский человек был ценен таким, каким он был на самом деле. Искренним, цельным, добрым, отзывчивым, терпеливым и, заметьте, как правило, бедным. Удивительная вещь: именно при невысоком материальном уровне жизни в человеке сохраняются лучшие его качества. Представители старшего поколения еще не забыли времена так называемого «застоя», хотя, на мой взгляд, это было время стабильности. Как мы собирались на кухнях и читали самиздатовского Солженицына. При настоящем тоталитарном режиме. Не то что сейчас. Семьи выписывали столько газет и журналов, что почтальоны жаловались, мол, не вмещается вся периодика в почтовые ящики.

Был дефицит книг. Классику можно было купить разве что по блату. Не было ни «мерседесов», ни йогуртов, ни поездок в Анталию, ни «сникерсов», а духовность в обществе была. Люди читали книги запоем. Ни одна нация в мире столько не читала, как мы. Ценили простые человеческие чувства: дружбу, любовь. В кинотеатры невозможно было попасть. На новые фильмы очереди перед кассами выстраивались. Так же и в театры, в концертные залы. Это ли не духовность?!

И наоборот. Чем выше достаток, тем меньше тяга к культуре. Слава Богу, мы пережили этот позорный период нашей истории. Когда под растлевающим влиянием Запада неустойчивая часть наших сограждан поддалась потребительской морали. Как бараны, забросили достойные книги и журналы и устали в одурманивающие ящики, по которым им свистели про якобы свободные выборы, чудеса рынка, права человека. В погоне за призрачным богатством нувориши растаптывали все святое, что в них когда-то вложила Отчизна: коллективистскую мораль, сострадание, дружбу и любовь. Утратив человеческий облик, ограбив свой народ, они приобрели особняки, лимузины, счета в зарубежных банках, разослали своих чад по Кембриджам, а сами поселились на Лазурном берегу. А их соотечественники, братья и сестры по крови, умирали от голода на родине или на полях сражений в братской Сербии.

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет.
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
Но вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

– предупреждал богатеев великий русский поэт Михаил Лермонтов.

– Что-то вас, Константин Евгеньевич, под старость лет на лирику потянуло. Прежде я за вами не замечал такого пристрастия, – процедил, глядя в голубой экран, гостиничный постоялец.

Виски понемногу начинало действовать. И хотя он, как замороженный, устался в телевизор, где-то в глубине сознания всплывали воспоминания о давно минувших днях.

Вот они, студенты университета, едут на автобусе на картошку. На задней площадке, прижавшись к очередной подружке, тренькает на гитаре зеленый, но нагловатый первокурсник, с острой лисьей мордочкой. Затем на очередной студенческой пирушке он втирается в доверие к авторитетным на факультете старшекурсникам. Причем пытается держаться с ними на равных. Оказывается, что это сынок корреспондента Центрального телевидения. Его стараются особенно не обижать. В принципе он неплохой, вроде, парнишка. Компанейский. Не дурак выпить и приударить за девчонками. Весельчак и балагур. Может трещать часами без умолку. Или как выдаст что-нибудь – не знаешь, то ли хохотать, то ли морду бить. Кузнецова, например, обозвал «ста килограммами чистого разума». Жорка – умный человек, оценил коктейль из ерничанья и подхалимажа и взял юнца под свою опеку. Чем этот наглец постоянно злоупотреблял. То затеет разборки с историками, то какого-нибудь политехника пошлет подальше. А как дело доходит до выяснения отношений при помощи физической силы, Жоржа зовет на помощь. Однажды он серьезно подставил Кузнецова.

Шли они как-то вдвоем налитые пивом по студенческому городку. Вдруг глазастый и ушастый Костик узрел и услышал, как кто-то фальшивит на гитаре в окне третьего этажа

общежития политехников, ну и обозвал мужика нехорошим словом. Тут вывалила толпа человек десять и давай наезжать на Костю: это ты что ли нашего товарища послал? А тот стоит ни жив ни мертв, словно язык проглотил. Но выступил из-за Костиной спины здоровяк Жора и сказал ребятам: что вы к маленькому пристали. А те, получив более достойную жертву, про самого обидчика сразу забыли и набросились, как стая шакалов на медведя гризли, и подмяли его, и таких ему тумачков навешали, что месяц Кузнецов очухивался после этого заступничества.

– Кузнец, ты, как ни старайся, как ни учись, все равно выше головы не прыгнешь. Хоть с тремя красными дипломами университет закончи. Дальше заведующего отделом областной газеты, годам так к пятидесяти, тебе дорога заказана. А я в любом случае батино место займу. Наследственность, понимаешь ли? – подзадоривал старшего товарища во время сессии Костик.

Весной 90-го журналист Георгий Кузнецов раскопал одну скандальную тему. В редакцию обратились инвалиды войны с жалобой, что они не могут купить выделенные им правительственным постановлением легковые автомобили. Въедливый Жорка не стал расписывать это письмо на расследование в какое-нибудь управление торговли, а решил сам проверить ветеранские претензии. Оказалось, что из четырех сотен выделенных для инвалидов и ветеранов войны автомашин по назначению попали меньше ста. Остальные ушли сильным мира сего. Технология была проста. Какой-нибудь чиновник, вожделевший нового авто, писал заявление на имя председателя облисполкома с просьбой продать в порядке исключения за особые заслуги машину. Последний или кто-либо из его замов накладывал резолюцию «Не возражаю», и ветеранский автомобиль уходил чиновнику.

А какие были просители! Секретарь обкома партии, заместители председателей облисполкома и горисполкома, их дети и внуки, директора крупнейших заводов и совхозов... Полный сонм небожителей. В числе прочих стояла и фамилия корреспондента ЦТ Евгения Семеновича Веселого, не так давно приобретшего «Волгу» из «специального фонда» облисполкома. Может быть, в другой ситуации Георгий и пошел бы на сделку с собственной совестью и умолчал о коллеге в своей публикации, но ему неудобно было перед стариками, прошедшими войну, которые помогали журналисту в сборе материала.

Статья «Машинная возня» наделала в городе много переполоха. В обкоме партии была даже создана специальная комиссия по проверке изложенных в ней фактов. Из Москвы, из ЦК, приезжали люди разбираться с обским инцидентом. Но все факты, изложенные в статье, подтвердились.

Однако над Кузнецовым в редакции стали сгущаться тучи. Секретарь обкома, фигурант публикации, отделался строгим выговором. А он как раз курировал идеологию, в том числе и газету. Георгий не стал дожидаться ответного удара, и сам подал два заявления: одно редактору – с просьбой уволить его по собственному желанию, а другое – в партком, о выходе из КПСС.

Он выгребал из письменного стола свои вещи и складывал их в портфель, перед тем как навсегда покинуть редакционные стены, когда в дверь заглянула знакомая лисья мордочка.

– Отца-то хоть мог бы из статьи вычеркнуть, – обиженно протянул Константин.

– Из песни слова не выкинешь, – ответил Георгий, продолжая рыться в столе.

Он старался не смотреть на Костю. Ему было неудобно.

Из новой «Волги» вываливается модный тип в темных очках и кашемировом пальто, небрежно с пульта включает сигнализацию, с чувством собственного достоинства, не спеша, поднимается по ступенькам крыльца, зайдя в приемную, щиплет за щечку секретаршу, плюхнувшись в кожаное кресло, закидывает ногу на ногу и вальяжно приказывает:

– Верочка, подай кофе шефу.

Между тем дела у компании идут все хуже и хуже. Объем продаж резко упал, а задолженность кредиторам выросла. Только на погашение одних процентов по кредитам уходит половина месячной выручки. Кузнецов предлагает партнерам по бизнесу радикальные меры расчета по долгам, типа продажи офиса. Но Веселый ни в какую. Офис – это самое ценное, что у нас осталось. Это имидж фирмы. Без офиса мы ничто. Колька Зимин колеблется. В итоге Костя предлагает отдохнуть от тяжелых мыслей и развлечься. Они едут в ресторан. Веселый заказывает побольше спиртного. Николай, поужинав, торопится домой. А Кузнецову, принявшему стакан водки, уже море по колено. Костик тут как тут:

– Что, Кузнец, оторвемся сегодня по полной программе, как бывало раньше, в студенчестве?

Утром глава фирмы проснется с дикой головной болью и, чтобы ее как-то загасить, вначале выпьет пива. Две-три бутылки. Потом чего-нибудь покрепче. И так будет продолжаться несколько дней. Затем Георгий неделю будет болеть и отходить. Потом будет вкалывать как вол, пытаясь спасти компанию.

Чтобы рассчитаться с долгами, он займется торговлей нефтепродуктами. Костя знакомит его с нужным человеком в столице, а потом заявит старому другу:

– Все, Кузнец, теперь ты должен меня и его кормить до конца наших дней.

А москвичу по телефону он предложит следующее:

– Зачем тебе нужен этот конченный алкоголик? Давай исключим его из схемы.

Кузнецов случайно услышит эту фразу. Розовые очки тут же спадут с его глаз. Он расплатится со всеми кредиторами и уйдет из фирмы на вольные хлеба. Но очень скоро под Костиным руководством компания обанкротится.

– А что в этом зазорного, если собственность, нажитая компрадорскими буржуа на разграблении Отечества, достанется людям более достойным? – задает сам себе вопрос секретарь обкома и сам же на него отвечает. – Я думаю, если человек приносит значительную пользу обществу, занимает общественно значимый пост, общество вправе оценить его деятельность по достоинству. Очень много объектов, реквизированных у так называемых «новых русских», отдается под детские дома, приюты, много распределяется многодетным семьям и семьям военнослужащих. Но ведь на руководителях партийных и государственных органов тоже лежит очень большая ответственность. Если они будут жить в лачугах, то наверняка не смогут реализовать себя в полной мере на тех постах, куда их выдвинул народ.

– Телезрительница из Белого Яра товарищ Простоквашина в своем письме спрашивает: «Какие меры планируют принять Фронт национального спасения и правительство по защите материнства и детства?» – хорошо поставленным голосом озвучивает вопрос ведущая.

Константин Евгеньевич закидывает ногу на ногу, закуривает сигарету и, вальяжно раскинувшись в кресле, начинает рассуждать:

– Хороший и очень своевременный вопрос. За годы правления антинародного режима страна в демографическом плане потеряла столько же, сколько во время Великой Отечественной войны. Я имею в виду не только прямые жертвы геноцида «дерьмократов» против собственного народа (правда, погибших в Чечне, отравившихся поддельной водкой, покончивших жизнь самоубийством от безысходности – превеликое множество). Но самые главные наши потери были в сокращении рождаемости. Пока страной правили узурпаторы и поддерживающие их олигархи, наживавшиеся на народном горе, смертность в России превышала рождаемость. Мы вымирали как нация. И если бы не очистительная буря, приведшая к власти Фронт национального спасения, неизвестно, что стало бы сейчас с Россией,

и была бы она вообще. Наши женщины перестали рожать, потому что им нечем было кормить будущих детей.

– Дорогие мои соотечественницы! Забудьте об этом ужасе и начните же, наконец, исполнять долг, возложенный на вас природой. Со своей стороны могу вам клятвенно пообещать, что ни Фронт, ни народное правительство вас не бросят на произвол судьбы. Все новорожденные теперь считаются достоянием нации, и государство будет заботиться о них больше, чем о пополнении своего золотого запаса. Пособия на детей в большинстве районов области сейчас выдаются практически без задержек. Кое-где, может быть, не получается с продуктами, медикаментами и пеленками, но подмогу деньгами матери на детей получают неукоснительно. Расширяется сеть приютов, детских домов, интернатов и домов малютки. Если вдруг по какой-либо причине вы сами не сможете взять на себя воспитание ребенка, не волнуйтесь: государство об этом позаботится вместо вас.

В последнем постановлении Центрального комитета Фронта национального спасения подробно перечислены все меры, направленные на защиту материнства и детства. Государство в настоящих условиях вынуждено стимулировать рост рождаемости не только экономическими мерами, но и административными. В частности, категорически запрещается усыновление наших детей зарубежными усыновителями, также введен запрет на аборт.

Закрывая глаза на искусственное прерывание беременности, мы не только совершаем богохульство – разрешаем убить новую жизнь, но и подрываем демографическую безопасность отечества. Нас и так осталось каких-то жалких сто миллионов, а в Сибири вообще проживает лишь десятая часть граждан страны. Нашими пращурами завещано нам огромное жизненное пространство: от Берингова моря до Балтийского. Но если мы не сможем его освоить и защитить из-за своей малочисленности, здесь будут жить другие народы. Американцы, немцы, японцы были бы только счастливы, если бы мы сейчас начали отдавать долги территориями. Янки уже предложили за всю Сибирь – от Приморья до Урала – два триллиона долларов. Хватит рассчитаться со всеми долгами и на жизнь еще что-нибудь останется. Только вот беда-то: где жить людям русским? В Киевскую Русь хохлы не пускают. На Кавказе – «черные». Южная Сибирь – у казахов. Даже на Псковскую область эстонцы претендуют. Китай – наш друг и союзник. Но западные спецслужбы только и делают, что пытаются нас поссорить. Не думаю, что у них что-нибудь из этого выйдет. Но не забывайте, что китайцев почти два миллиарда, а площадь их страны куда меньше нашей. Так что, хотите вы, женщины, или нет, рожать вам все равно придется. В Уголовный кодекс уже внесены соответствующие изменения, предусматривающие уголовную ответственность за проведение аборта не только для врачей, но и для пациенток. Сейчас в стадии разработки находится документ, разрешающий многоженство, как в некоторых среднеазиатских республиках. Я в этом ничего плохого не вижу. Если мужчина занимает важный, общественно значимый пост, получает соответствующее денежное вознаграждение за свой труд, почему бы ему не содержать не одну, а несколько семей? Да ему памятник надо поставить за то, что пополняет ряды защитников отечества. А раньше как было: завел толковый мужик, допустим, себе любовницу, жена тут же бежит в партком. Нет, товарищи женщины, так дело не пойдет. С пережитками пора заканчивать. В другое время живем. И не забывайте, что Россия – страна хоть и евро-, но АЗИАТСКАЯ, и многие наши соотечественники по своему вероисповеданию не являются христианами, оставаясь при этом патриотами своей отчизны.

– Вот это ближе к телу, товарищ партийный секретарь, – прокомментировал сказанное с телеэкрана австралиец и сделал очередной глоток виски.

4. Встреча старых друзей

По лесу шел на лыжах человек. По его раскрасневшимся щекам и струящемуся из-под шапки поту было видно, что он в пути уже изрядное время. Наст был твердый, поэтому лыжи скользили хорошо. Изредка он все же останавливался, осматривался и, убедившись, что его никто не преследует, вновь устремлялся вперед.

Два дня назад была оттепель. Прошел густой мокрый снег. А потом вдруг неожиданно ударил мороз. И снежные охапки как упали на ветки деревьев, так и застыли там примороженные. Сейчас они сверкали на полуденном солнце, как бриллиантовые россыпи. Но лыжнику было не до пейзажных красот. Он отчаянно сопротивлялся усталости, чтобы не потерять темп ходьбы. Наконец он остановился у какого-то сугроба. Обошел его вокруг, снял лыжи и принялся копать снег.

Случайный глаз вряд ли разглядел бы тоненькую струйку дыма, поднимающуюся над сугробом. Скоро пришелец обнаружил дверь в землянку и прикрученным к ней металлическим кольцом трижды ударил по дереву. Дверца распахнулась и показалось дуло «Калашникова», а затем на свет божий появилась растрепанная рыжая голова, до самого носа и глаз заросшая густой бородицей. Сощурившись от яркого солнца, бородач спросил:

– Кого принесла нелегкая?

– Не вздумай стрелять. Это я, Тимофей.

– Отбой, мужики. Ложная тревога. К нам Харитоныч в гости пожаловал, – крикнул рыжий вглубь землянки.

Едва гость начал спуск по земляной лестнице вниз, в жилище лесных обитателей, как его тут же одолел кашель от жуткой смеси печной гари, запахов пота, протухшего мяса, сивухи и испражнений.

– Налейте ему водки. Не то еще задохнется с непривычки, – скомандовал рыжий бородач.

Тут же перед Тимофеем появилась алюминиевая кружка, наполовину наполненная издающей запах спирта жидкостью. Он сморщился, но выпил. Закусил выплывшим из смрада соленым огурцом. И смог, наконец, вдохнуть зловонный воздух подземелья.

– Здоровы были, – поприветствовал хозяев гость.

– Здорово, коль не шутишь, – ответил рыжий и добавил: – А мы тебя еще три дня назад ждали.

– Несчастье у меня случилось. У жены родной брат пропал. В понедельник утром ушел на работу и не вернулся. В пятницу его только нашли. На обочине Мариинского тракта возле Михайловки. Все ногти на руках сорваны, член и яйца отрезаны, тело – кусок окровавленного мяса.

– Вот же сволочи! – процедил сквозь зубы рыжий. – А чем он занимался?

– При старой власти у него свой киоск был. А потом, как этот бизнес прикрыли, лоджии стал стеклить.

– Тогда понятно. Хотели выпытать, где бабки хранил. А в самом деле, почему так мочой воняет? – встрепенулся вожак и стал обводить ничего хорошего не сулящим взором присутствующих. – Признавайтесь, кто в землянке испражнялся?

На краю скамьи заерзал бородач в кожаном пальто.

– Так дверь снегом замело, Андрей, я не смог ее открыть, – начал оправдываться провинившийся.

– Эх, Леня, Леня, а еще интеллигентным человеком себя, небось, считаешь. В камере даже последние петухи на парашу ходят, а ты все-таки в приличном обществе находишься. Тут все генеральные и коммерческие директора фирм собрались, здесь уборщиц и секретарш

нет, как в твоём Дворце спорта. Так что, будь любезен, недельку последи-ка за чистотой помещения и повари-ка обеды отряду. И впредь писай, пожалуйста, на улице. Если уж совсем обессилел и дверцу открыть не можешь, кого-нибудь из товарищей попроси помочь. Поди не откажут тебе по старой дружбе. Верно, братва?

По землянке прошел гул одобрения.

Недоволен был лишь один наказанный:

– Можно подумать, что я один здесь нужду справлял. Никто ж на улицу не выходил, а столько водки выпили. Ты не прав, Крутой.

Андрей Крутоложин уставил в Леонида свой пронзительный взгляд и медленно, по слогам произнес:

– За пререкания с командиром две недели нарядов вне очереди.

Бывший директор Дворца спорта хотел ещё что-то возразить, но вовремя осекся. Тут, как по команде, бородачи стали один за другим выбегать до ветру. А вожак и гость прошли вглубь землянки, где за узким проходом, занавешенном плащ-палаткой, располагалась маленькая комнатка, и тихо заговорили.

– Привез план постов? – спросил рыжий Тимофея.

– Да, и пропуска на «почтовый» тоже. Только знающие люди говорят, что гиблое дело мы затеваем. Допустим, нам удастся, пусть с потерями, прорваться на объект и захватить эту «банку». Только вот незадача: оставшиеся в живых получают такую дозу радиации, что больше пары суток никто там не протянет. Ты что, будешь её взрывать? Так ни от «почтового», ни от Обска камня на камне не останется.

– Зачем взрывать? Мы просто заминируем её, потребуем телевидение, обратимся к национал-коммунистам, чтобы уходили по-хорошему, а не то мы как бабахнем! Помнишь, как при демократах шахтеры перекрывали железные дороги?

– Ну и что, Ельцин прямо сразу испугался и ушел в отставку?

– Нет. Но его все равно же вынудили уйти.

– Не забывай, импичмент президенту тянулся годами. А у твоего отряда будет всего два дня. Потом вы все передохнете от радиации. Они просто выждут положенные сорок восемь часов и спокойно вынесут ваши трупы. Или взрывай, или помирай за идею, как герой. Только взорвать «банку», думаю, ни у тебя, Крутой, ни у твоих бойцов духу не хватит. В адском месиве погибнут сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Старики, женщины, дети. В том числе и наши семьи.

– А если мы непосредственно в «банку» спустим одного или максимум двух смертников. А сами будем удерживать объект целиком? – не унимался Крутоложин.

– Силенок не хватит. У тебя всего десять бойцов. Половину ты положишь при захвате. А объект можно защитить в лучшем случае силами взвода. Причем люди должны быть подкованы в военном деле и хорошо вооружены. Ведь вам наверняка придется иметь дело со спецназом КГБ.

– Что-что, а убивать мы тоже уже научились. Не первый раз замужем. Да, проблема! Говоришь, не справимся? И неужели нет никаких вариантов?

Прикажешь сидеть в лесу и ждать, когда у них руки до нас дотянутся? Нет уж, уволь!

– Выход вижу один: попытаться объединиться с другими партизанскими группами. Когда будет вас человек пятьдесят, можно будет попробовать рискнуть с этой операцией. Эх, жаль, что из области ракетную дивизию убрали. Куда эффективнее было бы захватить ракету с ядерной боеголовкой, нацелить её на Кремль и поставить красно-коричневым ультиматум: или вы убираетесь ко всем чертям, или мы долбанем по Москве. Хотя с «банкой» тоже идея неплохая. Говорят, что распространение радиоактивного заражения возможно от Урала до Дальнего Востока. Такая перспектива кого угодно заставит задуматься. Только в большом отряде резко возрастает вероятность заполучить провокатора, – предупредил Тимофей.

– От этой затеи, Харитоныч, я не откажусь. Я на этой земле вырос и не хочу, чтобы ее топтали различные уроды. Будем рисковать. Попробуй через обское подполье установить связь с другими партизанскими бригадами. Будем готовить крупномасштабную акцию, – решил Крутой.

Тимофей порылся в рюкзаке и достал оттуда упаковку «Примы» и две бутылки водки.

– Я вам тут гостинцы привез. Но, похоже, что вы в них не нуждаетесь.

– Ты что, Харитоныч?! За курево тебе огромное спасибо. А вот с водкой опоздал. Мы тут позавчера маленькую вылазку на большак сделали. Остановили одну «газельку» и пару ящичков водочки экспроприировали. Нужна же мужикам хоть какая-то разрядка!

Гость засобирился:

– Пора мне, Андрей. Я же в Еловку за родней приехал. Завтра похороны. А дел еще уйма. Да, совсем чуть не забыл. Я сегодня утром в аэропорту, когда московским рейсом родителей жены из Курска встречал, знаешь, кого видел?

– Я же не Господь Бог, чтобы мысли читать людские. Не томи, выкладывай.

– Кузнецова!

– Жорку?! Ты не ошибся? Он же в Австралии.

– Нет. Сейчас в Обске. Его кагэбэшники прямо с трапа самолета взяли под опеку. Я к нему просто подойти не мог, чтоб перекинуться парой слов. Потом вообще заваруха началась. На выходе с поля хотели взять одного начальника. Он пытался забежать в самолет, так баба, которая Кузнецова сопровождала, его махом сняла из дамского пистолетика. А потом они посадили Георгия в «Волгу» и укатили.

– В «Волгу»? – переспросил Крутоложин. – Ты ничего не путаешь? Не в автозак?

– Да нет же, – ответил Тимофей. – Его вообще как важную шишку какую-нибудь встречали. Я проследил за ними. Кузнецова в Доме иностранных специалистов поселили.

– Любопытно. Очень любопытно, – задумался рыжий. – Много воды утекло с тех пор, как Жорж укатил на зеленый континент. И не было от него ни слуху, ни духу. И вдруг является собственной персоной. С его прошлым по нынешним временам «вышка» обеспечена. Обязательно надо установить с ним контакт и выяснить что к чему. Он может оказаться очень полезным для нас, если вхож в высший свет. Неспроста здесь Жорж объявился. Ой, неспроста.

Константин Евгеньевич Веселый ехал в ресторан «Золотой дракон». Он слегка опаздывал, ведь была уже половина шестого. Но должность ему позволяла поступать подобным образом. За руль BMW он предусмотрительно посадил Анатолича. Это означало, что сегодняшним вечером секретарь обкома по идеологии намерен напиться до поросячего визга. Когда Ольга сказала ему, полусонному, о звонке Сизова, первым его желанием было позвонить знакомым ментам, чтобы немедленно ехали в ДИС, арестовали бывшего компаньона и бросили его в одиночную камеру. Недельку бы его попытали, а перед самым концом появился бы, как демон мести, обманутый им друг, чтобы понял этот несчастный, откуда пришло возмездие.

Но что-то остановило Константина, и он вместо вызова патруля позвонил помощнику генерал-губернатора. Товарищ Сизов объяснил главному обскому идеологу, что Джордж Смит в последнее время стал достаточно заметной фигурой в мировом бизнесе. Он весьма успешно поставляет металл в ряд стран Юго-Восточной Азии – Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Бирму. Словно для него нет никакого финансового кризиса. Лично знаком с правителями этих стран. В Камбодже его вообще встречают как родного: что сторонники наследного принца, что последователи Пол Пота.

Конкурс на освоение одного из крупнейших нефтяных месторождений в Юго-Восточной Азии был объявлен камбоджийским правительством с неизменным условием: комплек-

тация промыслов техникой и оборудованием – прерогатива фирмы Смита. Да, он умеет давать взятки. Он практически скупил азиатов на корню. Зато теперь с ним волей-неволей считаются и ВР, и Техасо, и другие монстры нефтяного рынка.

Джордж Смит мастерски обходит и эмбарго ООН на торговлю с Россией. Вначале кузнецкий металл покупает китайская фирма, затем с новым сертификатом (будто он выплавлен в КНР) поставляет его во Вьетнам, где на заводе, принадлежащем австралийской компании господина Смита, заготовки превращаются в изделия и продаются по всему миру. А в Россию взамен поступают медикаменты и продовольствие. Так что в деятельности бывшего соотечественника заинтересованы в самых высоких московских кругах.

Веселый не стал убеждать референта, что он может легко лишить бизнесмена его неприкосновенности. Зато вспомнил, что Кузнецов ему что-то был должен. А если тот сейчас настолько крут, то почему бы сперва не получить с него старый долг с процентами в свободно конвертируемой валюте. А моральное удовлетворение можно оставить на потом.

Услужливый кореец-швейцар распахнул дверь ресторана раньше, чем Константин Евгеньевич – дверцу BMW. Тут же появился шустрый корейский мальчик, чтобы помочь высокопоставленному гостю вылезти из авто и проводить его до входа в «Золотой дракон». Все это азиаты делали с такими заискивающими улыбками, что даже национал-коммунистическому идеологу стало неловко, и его рука автоматически потянулась в карман за чаевыми, но он вовремя спохватился и ничего не дал халдеям, лишь по-отечески похлопал парнишку по щеке. В гардеробе третий кореец в одно касание подхватил дубленку с начальственного плеча. Веселый подошел к зеркалу, окинул себя взглядом, поправил слюнявым пальцем прибор на голове и, довольный увиденным, уверенно шагнул в интимный полумрак зала, где звучала мягкая восточная музыка.

За столиком в нише сидели четверо: Сизов, какой-то молодой парень с военной выправкой, интересная худощавая брюнетка лет тридцати в ярко-красном платье и заморский гость, в котором Константин, если б не знал наверняка, кто он, никогда не узнал бы Кузнецова. Он похудел, загорел и очень сильно полысел. Однако лысина его отнюдь не портила, а наоборот, придавала какой-то особенный шарм.

– Полагаю, что вас, товарищи-господа, друг другу представлять не надо, – сказал вскочивший из-за стола помощник генерал-губернатора. – А это переводчица Оксана и сотрудник ОВИРа Сергей.

Смит тоже встал и первым протянул руку важному гостю:

– Ну, здравствуй, Костя. Рад тебя видеть.

Веселый, не ожидавший подобной теплоты, слегка замешкался, но на рукопожатие ответил и, усаживаясь в кресло, ехидно спросил:

– И что же, позвольте полюбопытствовать, господин Смит, вас занесло из солнечной Австралии в нашу Богом забытую Сибирь?

– Захотелось повидать старых друзей, – Кузнецов принял интонацию партийного босса.

– И насколько успешно продвигается этот процесс?

– Одного уже встретил. Вас, Константин Евгеньевич, – уточнил бизнесмен.

Дальнейший обмен любезностями между старыми друзьями прервал помощник генерал-губернатора:

– Товарищи, полноте вам упражняться в остроловии! Давайте лучше выпьем. Сегодня все-таки праздник. День нашей конституции. Давшей народу истинные права, а не какие-то там буржуазные условности. И хватит вспоминать старое. За это время столько воды утекло. Один стал бизнесменом мирового масштаба, другой – идеологом партии будущего. Вам нечего делить. Лучше начнем все вместе работать во благо нашей многострадальной Родины. За ваш вклад в процветание отечества!

Сизов одним глотком опорожнил свою рюмку. Так же поступили молодой человек и женщина в красном.

– За такие слова грех не выпить, – вымолвил секретарь обкома. – Будем живы, Георгий Константинович.

– Вашими молитвами, Константин Евгеньевич.

Оба выпили, не чокаясь.

– Вот и ладненько. Вот и молодцы. Это по-нашему, по-русски, – запричитал Сизов.

Веселый хрустнул корейской морковкой и приказал налить еще. Они снова выпили. Только на этот раз Сергей и Оксана едва пригубили свои рюмки. Через несколько минут еще повторили, затем еще раз, и еще...

– Ты, Кузнец, был тогда в корне не прав, что бросил меня. Купил ты машину, построил дом. Где это все сейчас? Испарилось! Да и сам ты скитаешься неприкаянный по планете. Без дома, без семьи, без Родины. А твоя Наталья – молодец! Как ловко она тебя отшила. Никогда бы не подумал, что эта меркантильная молчунья может быть такой патриоткой. Она-то не променяла Родину на все изобилия потребительского рая! Заметь, сама сдала излишки жилой площади государству. Нам, дескать, с отцом и сыном пять комнат много, поместимся и в двух. А с домом твоим, Кузнец, вообще несчастье случилось. Сгорел он дотла. Видишь, как легко исчезает несправедно нажитое добро.

Веселый налил себе одному. Выпил, перегнулся через стол поближе к Кузнецову и прошептал:

– Но ведь у тебя, Кузнец, еще что-нибудь осталось? Миллион зеленюю наверняка найдется?

– Мелко плаваешь, Весельчак.

– Неужели парочку лимончиков нагребил?

– Обижаешь, Костя. Вообще-то, это коммерческая тайна, но тебе, как другу, признаюсь по секрету: на корпоративных счетах компаний, которыми мне доверили управление мои партнеры, денег больше, чем в годовом бюджете вашей области. Что же касается личного состояния, то я об этом как-то не задумывался. Мне на жизнь хватает, и ладно, – таким же таинственным шепотом ответил Смит.

Веселый отодвинулся и разочарованно сказал:

– Скромный. Что ж тебя тогда принимают на правительственном уровне?

– У меня хорошая репутация и влиятельные друзья. А это значит больше, чем деньги. Хотя они у меня есть тоже, – ответил австралиец, отправляя в рот красную мякоть поджаренной кеты.

– Понимаешь, Константин Евгеньевич, когда лишаешься Родины, либо спиваешься и подыхаешь, как собака на какой-нибудь помойке, либо, забыв все правила приличия и морали, которые доселе тебя отягощали, начинаешь жить по их законам. А так как у нас, у русских, сила выживаемости куда больше, чем у представителей цивилизованного бизнеса, то к ищущим успех приходит неминуемо. Я, допустим, всегда, и в студенчестве, и будучи корреспондентом областной партийной газеты с окладом в 120 рэ, и потом в бизнесе, когда меня кидали, и я оставался без копейки, знал, что это безденежье временно и я все равно рано или поздно буду богатым. Поэтому никогда и никому не завидовал. Так же, как и ты, Костя, никогда не сомневался, что займешь достойное место среди сильных мира сего. Главное – чего-то очень сильно хотеть. Не правда ли?

– Кузнец, хоть ты и мерзавец, и предатель Родины, но ты – умный человек. И сейчас сам, не ведая того, предложил хороший тост. Давайте же выпьем за желание. Все в этом мире начинается именно с него. Вначале кто-то один чего-то сильно хочет, потом заражает своим стремлением других, в итоге рождается И-ДЕ-О-ЛО-ГИ-Я! – высокопарно произнес секретарь обкома.

После тоста Оксана обратилась к Смит:

– Георгий Константинович, можно вас пригласить на танго?

– Девушка, ни в одной стране мира, где я был, кавалер не вправе отказать даме в такой пустяковине. Так гласят древние законы предков.

Она вывела его на середину небольшого зала, придвинулась к нему вплотную, мягко положила вмиг ставшие безвольными руки на его плечи и задвигалась в такт медленной музыке настолько призывно, настолько сексуально, что в нем возмало его мужское естество. Она это заметила.

– Мистер Смит, если вам показалось одиноко в гостиничном номере, то я, думаю, смогла бы внести некоторую теплоту в ваш быт, – недвусмысленно предложила Оксана.

– Благодарю вас, очаровательная прелестница, но на сегодняшний день мне, пожалуй, впечатлений хватит. Эти бы переварить.

Она тут же от него отодвинулась и больше, пока длился танец, не проронила ни слова.

– Кузнец, ты чего это к переводчице припал, – слышался пьяный возглас Веселого. – Товарищи, извините, но я на сегодняшний вечер похищаю у вас нашего австралийского гостя.

Помощник генерал-губернатора тут же покинул свое место и подошел к секретарю обкома.

– Константин Евгеньевич, умоляю вас, только без глупостей. У него виза подписана самим заместителем министра внутренних дел. Его визит – государственной важности. На мне лично лежит ответственность за его прием в Обске. Не губите, Константин Евгеньевич, – взмолился референт.

– Да, не блажите вы, Александр Петрович! Неужели я похож на мясника? Просто встретились два старых товарища и хотят вместе закончить уик-энд. Не более того.

Из ресторана они вышли почти в обнимку. Смит приходилось придерживать секретаря обкома. Тот уже был никакой.

– Кузнец, ты просто не можешь представить себе, что такое настоящая власть? Никакие твои деньги не сравнятся с тем, что могу сделать я. Все, что только захочу. Могу и тебя растоптать, как какую-то пиявку. Ты же и есть пиявка, Жорж, ничего сам не создаешь, лишь сосешь кровушку с русских да вьетнамцев.

Георгий промолчал.

Услужливый кореец распахнул дверцу BMW, и Джорджу не составило труда запихнуть внутрь авто старого приятеля.

– Анатолич, помнишь этого фраера? Кажется, он тебе обещал подарить свои «жигули»? – сказал Константин.

– Машина ушла за долги нашей компании. Вы же знаете об этом, Борис Анатолевич, – ответил австралиец и протянул свою руку водителю.

– Ладно, Георгий Константинович, кто старое помянет, тому глаз вон, – водила крепко сжал в своей огромнейшей ладони усталую кисть бывшего директора. – Я, правда, рад видеть вас живым и невредимым.

– Это у вас сейчас редкость, не так ли? – съязвил Смит.

– Может быть, – философски ответил Анатолич и спросил у своего нынешнего шефа: – Куда двинем-то?

– Давай для начала покажем гостю Дворец спорта. А то он в своей далекой Австралии, поди, думает, что мы тут совсем озверели.

После выпитой водки Обск уже не казался таким чужим и обезлюдевшим, как раньше. По проспекту Ленина ходили влюбленные парочки, новые Ромео признавались в любви новым Джульеттам. Казалось, что почти ничего не изменилось после его отъезда.

– Это моя гордость. Я все-таки выгнал меня из храма. Помнишь, во что превратили демократы объект культуры? В заурядный базар! Я же вернул ему истинное назначение! – с особенным удовлетворением произнес секретарь обкома, когда машина свернула с проспекта.

Зрелище на самом деле было впечатляющим. Озаренный тысячами огней поочередно то вспыхивающих, то гаснущих разноцветных лампочек Дворец спорта сиял. От чего ближе к нему небо выглядело багровым, и его, как в блокадном Ленинграде, бороздили, перекрещиваясь, лучи дальних прожекторов, только они не выискивали вражеские самолеты, а просто создавали иллюминацию.

На ступеньках толпилась молодежь. Столько народу не собирали даже первомайские демонстрации во времена застоя. Юноши и девушки через четыре входа организованными потоками вливались вовнутрь сооружения, напоминающего по форме гигантскую черепаху. Их встречал огромный транспарант кумачового цвета. Метровыми белыми буквами на нем было начертано: «ФРОНТ – НАШЕ СПАСЕНИЕ!».

Секретарь обкома провел австралийца через служебный вход. Вахтер через стеклянную дверь увидел высокое начальство еще на улице и успел позвонить по телефону. И когда Константин Евгеньевич с гостем поднялись по лестнице, их уже встречала лучезарной улыбкой молодящаяся сорокалетняя администраторша в белой блузке и черной юбке. Ее щедро накрашенные глаза оценивающе осмотрели вошедших.

– Какая неожиданная честь, – ойкнула бальзаколетная дама. – Если бы вы только могли догадываться, милейший Константин Евгеньевич, как мы вам рады.

– Добрейшая Антонина Ивановна, а вы все хорошеете и хорошеете. Время буквально не властно над вами. Если б я был молодым и неженатым, точно за вами приударил бы, – вернул реверанс Веселый и, не дожидаясь ответа, по-деловому спросил: – Кто у нас сегодня в правительственной ложе?

– Никого особенного. Одни ребята из молодежного обкома, – немного обиженно, как показалось Смиуту, ответила администраторша.

– А вы не выступите в начале шоу? – спохватившись, спросила она Веселого.

– Нет. Я уже слишком много выпил, чтобы говорить перед аудиторией.

– А после? Мне, между прочим, товарищи из Москвы прислали настоящую «кристалловскую» водку, – предложила мадам.

– Нет, Антонина. Видишь, ко мне старый друг приехал из самой Австралии. Я ему должен показать нашу жизнь со светлой стороны. А то он у себя в Сиднее наверняка только плохое про нас слышал.

– Так мы и друга с собой возьмем. Сауна уже нагрета. У меня бухгалтер Люба как раз холостая. Настоящая русская красавица. Коса до полу. Раньше все иностранцы на нее падали, когда к нам еще ездили.

– Ты что мелешь, дура! – властно одернул ее Константин. – Он официальное лицо, приехал в нашу страну с визитом государственной важности, а не ваши с Любашей перезревшие прелести тискать. Между прочим, он по-русски лучше нас с тобой чешет. Представляешь, в какое ты меня и себя положение поставила? За благоверным захотела?

Антонина Ивановна лишилась дара речи и осталась стоять как вкопанная, пока гости не удалились из виду.

– Костя, а ты никогда не задумывался над смыслом выражения «бабье лето»? – спросил австралиец своего спутника.

– Нет вообще-то. А к чему ты это спросил?

– Просто на ум пришло. Когда у нас, мужиков, начинается осень, женщины только входят в пору зрелого цветения. Отсюда и бабье лето. Теплая неделя в конце сентября перед наступлением холодов.

– Это ты про Антонину, что ли? Не стоит она твоей лирики. Это бывшая жена моего предшественника. Я когда у мужа ее в подчинении был, приходилось помогать ему исполнять супружеский долг. А когда его в лагерь упекли, помог ей за ним не последовать и на работу пристроил. Бедная женщина все порывается меня отблагодарить. Но мы лучше баб сегодня найдем. День Конституции – день проституции, не все ли равно? Как думаешь, австралиец? – спросил старого товарища Константин, пока они пробирались через толпу пэтэушников и студентов, стоящих в гардероб.

Георгий тем временем жадно вглядывался в лица этих молодых людей. Веснушчатые и бледные, смуглые и румяные, веселые и обиженные, одухотворенные и не очень, они ничем не отличались от их с Костей сверстников, какими они были четверть века назад. Так же ходили на дискотеки, так же помогали девчонкам снимать пальто и так же покупали им мороженое. словно вернулась счастливая юность!

– Ты куда пропал, старик? – от ностальгических дум отвлек приезжего звучный голос бывшего друга.

Смит очнулся и стал озиаться по сторонам. Везде сновали спешившие в зал юноши и девушки. Константина он увидел у стены на фоне красочного плаката, с которого молодой боец в каске, с волевым лицом, в одной руке крепко сжимающий автомат Калашникова, а другой пальцем указывающий прямо на Смита, взывал: «А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ ВО ФРОНТ?» Секретарь обкома энергично жестикулировал бутылкой водки и целлофановым пакетом с пирожками.

– Пойдем быстрее. Скоро начнется. Начало – самое интересное, – сказал он и увлек Георгия за собой в ложу.

Она располагалась на левой трибуне, на самом верху. Они сели в кресла на первом ряду. В глубине ложи уединились два парня в костюмах и при галстуках. Узнав секретаря обкома, они встали и вежливо ему поклонились.

Георгию почему-то вспомнился концерт Аллы Пугачевой, на который они ходили сюда с Натальей за год до его отъезда. Зал ломился от наплыва поклонников певицы. Так же было много акустической и осветительной аппаратуры. Только тогда они сидели внизу, в партере, где сейчас разместилась импровизированная сцена. А зрители расселись на трибунах, как на хоккейном матче. Смита так и подмывало крикнуть во весь голос: «Шайбу!», «Шайбу!».

Но погас свет, и на мгновение установилась практически абсолютная темнота. Вдруг прямо под ухом во всю мощь ударил колокол. Георгий даже немного оглох от такой неожиданности. Глаза ослепили несколько мощных прожекторов, и он зажмурился. Постепенно свет начал ослабевать. Из скрытых динамиков лилась, нарастая, приятная мелодия. Играла флейта. Журчал ручеек. Чирикали птички.

Когда к нему вернулась способность видеть, он разлепил веки и обомлел. Из туманной дымки, окутавшей всю арену, на него взирали огромнейшие, как летающие тарелки инопланетян, голубые, как безоблачное небо в июльский полдень, девичьи глаза, в которых было столько скорби и страдания, что у австралийца мурашки побежали по спине. Затем великанша повернулась в профиль, и он увидел гигантское, но не лишнее очарования ухо, прикрытое водопадом прямых, гладко расчесанных русых волос. Потом показался ее затылок, затем другое ухо. Под переливы флейты она обвела своим страдальческим взором притихшие трибуны. И вдруг стала уменьшаться, прямо-таки таять на глазах. Вот уже и вся ее очаровательная головка вписывается в размеры Дворца от пола до потолка. Джордж был поражен правильностью черт этой особы. Прямой нос с раздувающимися при порывистом дыхании, как у породистой лошади, ноздрями, в меру полные, сочные губы, в которые так

и хочется впиться поцелуем, длинные и густые от природы ресницы, лишённые даже намека на макияж, черные как смоль, и такие же брови.

Русые волосы и черные брови всегда считались признаком породы. Камера продолжает отъезжать, и из тумана появляется безукоризненная шея. Затем все ниже и ниже. Публика дружно ахает: у нее обнажена грудь! Не маленькая и не большая, чуточку вздернутая кверху, с набухшими сосками, как раз такая, которая приводит в трепет любого мужика – от желторотого юнца до почтенного старца. А женщина все продолжает уменьшаться. Мужская половина зала в очередной раз замирает в сладострастном предвкушении. И она не разочарована. На незнакомке на самом деле ничегошеньки не надето. А обнаженная дева начинает изгибаться, словно танцует танго с невидимым партнером. Она на самом деле обворожительна. Даже сорокалетний Смит не может отвести от нее восторженных глаз.

– Впечатляет, не правда ли? – спросил университетского товарища развалившийся в кресле Константин. – Это разработка обских политехников. Аналогов в России нет. Думаю, что в мире тоже. Специальное вещество в процессе горения выделяет едва заметный газ. Эта газовая завеса служит своего рода экраном, на который из четырех точек проецируется изображение. В результате мы видим вещи в полном объеме, какими они существуют в природе.

Тем временем дива завершила свое одинокое танго и, завернувшись в красную накидку, стала изображать в танце всевозможную трудовую деятельность: стирала белье, мыла пол, шила.

– Рок-опера называется «Прозрение», – стал комментировать происходящее на сцене секретарь обкома. – Эта девушка олицетворяет собой Россию. Она красавица, трудолюбива, но абсолютно слепа. Ее руки домогается много женихов. Но она целомудренна и всех отвергает. Пока не появляется ковбой.

– Символизирующий собой Соединенные Штаты Америки, конечно? – перебил рассказчика Смит.

Константин Евгеньевич отвык, что его могут оборвать на полуслове, поэтому обиделся и умолк. Австралиец понял свою ошибку и нарушил опасную паузу, разлив в пластиковые стаканчики по сто граммов водки. От выпивки Веселый не отказался и, закусив пирожком с капустой, продолжил повествование:

– Ковбой вначале – такой сладкоречивый, обаятельный и настойчивый. Обещает героине золотые горы, если она отдастся ему. Она не устояла перед его чарами. Но, добившись ее, ковбой превращается в жестокого деспота и мучителя. Он запирает бедную девушку в подземелье, дает ей только хлеб и воду. Сам же пирует со своими друзьями и шлюхами в ее доме. А когда гулякам надоедают продажные женщины, они спускаются в подвал и насиловуют бывшую хозяйку дома. Но про ее беды узнает солдат. И приходит к девушке на помощь. При помощи боевого каратэ он разделяется с ее мучителями.

– И сам женится на России. Притча заканчивается свадебным пиром на весь мир, – вновь не удержался и спрогнозировал финал Джордж.

– Ошибаетесь, мистер Смит, – холодно ответил Веселый. – Героям этой истории не до веселья. Обиженные насильники хотят расквитаться с солдатом и только ждут удобного случая. Поэтому супруги вынуждены обучать своих детей военному делу и быть готовыми в любой момент дать отпор.

– Очень жизненная история, – задумчиво произнес Георгий.

– А насколько зрелищная! Глядя на таких великанов, особенно ощущаешь собственную ничтожность.

– Голливуд у тебя наверняка купил бы эти спецэффекты по хорошей цене. Представляешь, насколько бы колоритно смотрелся джинн, вылетающий из волшебной лампы Алад-

дина, снятый таким способом. Или старик Хоттабыч. Могу выступить в качестве посредника, – предложил бизнесмен.

Партийный деятель ненадолго задумался и сказал:

– Мы еще вернемся к этой теме, старина Жорж.

А на газовом экране в это время шла настоящая бойня. Российский десантник дрался с ковбоем, наполеоновским гренадером, Джеймсом Бондом и тевтонским рыцарем. Похоже, что положительный герой был настоящим мастером восточных единоборств, в то время как другие персонажи представляли собой лишь манекены для его упражнений.

– Кровь очень натурально выглядит. И кости у актеров хрустят по-настоящему, – высказал свое мнение Кузнецов.

– Ты очень наблюдателен, старик, – похвалил его идеолог. – А знаешь, как достигается это правдоподобие? Из занятых в этой сцене лишь один – профессиональный актер. Это – Ковбой. Я его переманил из Новосибирского театра оперы и балета. А Солдата взяли из художественной самодеятельности. Он боец спецназа, чемпион Сибири по каратэ, увлекается бальными танцами. А как работает! Он же их на самом деле колотит, всерьез. Это статисты, осужденные из колонии. Кстати, многие из них в прошлом коммерсанты. За хороший ужин и благосклонность тюремного начальства они согласны пострадать несколько минут во имя искусства.

– Смотри, он сломал Французу руку и продолжает его молотить! Почему их не разнимут? Актер же не поправится к следующему представлению!

– Ничего. Другого статиста найдем. Мало их, что ли, сидит на зоне. На 7 Ноября давали эту рок-оперу, так каратист настолько увлекся, что проломил одному зэку череп. Тот кончился прямо на сцене. Но какой эффект это произвело на публику! Вначале полнейшее оцепенение, а затем – взрыв оваций. Будь моя воля, я бы включил в программу гладиаторские бои. Как в Древнем Риме. Вообще б от народа отбоя не было. Представляешь, старик, экран в виде гигантского столба, а внутри исполины, от пола до потолка ростом, дерутся мечами насмерть! Сцены изнасилования тоже можно было бы натуральными сделать. У зэков от такой телки наверняка слюни текут. Вот только актрису жалко. Талант как-никак. А дублершу, похожую на нее, сколько лагерей ни перерыл, не могу найти. Настоящий секс сильнее заводил бы молодежь, чем эта жалкая имитация.

С арены убрали истерзанные тела статистов, и на нее выскочили красотки из варьете в касках, коротеньких мини-юбках цвета хаки, без лифчиков, но с наклеенными на соски алыми звездами. Они размахивали автоматами Калашникова, как гимнастическими палками, и выкидывали вперед свои стройные ножки. Вдруг опереточная музыка оборвалась. Танцовщицы выстроились в шеренгу по стойке «смирно». На передний план вышла девушка-Россия, облаченная в доспехи древнерусского витязя. Загремел «Интернационал». Люди на трибунах, как по команде, поднялись со своих мест. С неохотой поднялся с кресла и Константин Евгеньевич. Гость из Австралии последовал его примеру.

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов.
Весь мир насилия мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим.
Кто был никем, тот станет всем, –

пели трибуны. Им вторило эхо.

Наконец утихли последние ноты гимна униженных и оскорбленных. И в микрофоне зазвенел звучный призывный голос главной героини представления:

Наглые янки, Go home.
Над бедной планетой слышится стон.
Африка стонет. Стонет Ирак.
Завтра не будет. Один только мрак.
Кровушку высосал зверь-вурдалак.
.....
Наше оружие – лучшее в мире.
И в Палестине, и на Памире.
Нам, смелым, бесстрашным,
Сам дьявол не рад.
Мы возвратим и Белград, и Багдад.
Землю спасет наш российский солдат!

«Россия» целует чемпиона Сибири по каратэ и вручает ему меч. На этой мажорной ноте и заканчивается представление. Публика ревет от восторга.

– Сейчас будет дискотека. Мальчики станут клеить девочек. Мы с тобой это уже проходили. Несolidно дальше оставаться. К тому же наши девочки уже ждут-не дождутся своих кавалеров, – сказал Константин Евгеньевич, вставая с кресла и потягиваясь.

– Костя, уже поздно. Я с дороги чертовски устал. Боюсь опростоволоситься перед молодежью. Может быть, как-нибудь в другой раз, – попробовал прыгнуть с хвоста австралиец.

– Никаких других разов, – категорически заявил секретарь обкома. – Гулять так гулять. Еще только начало десятого. Успеешь ты в свою гостиницу. Или тебя там кто-то ждет?

– В этой стране, Костя, меня давно никто не ждет, – задумчиво произнес Георгий и тяжело вздохнул.

Двухэтажный особняк из красного кирпича разительно отличался от остальных домов – деревянных и насыпных, по самые крыши занесенных снегом, разбросанных как попало в сосновом перелеске на окраине города. Через дорогу светились огни заправочной станции, а чуть поодаль виднелся высокий глухой забор с натянутой поверху колючей проволокой.

– Район, конечно, не фонтан. Зато за барышнями далеко ездить не надо. Юркнул через дорогу, и ты уже в малиннике, – продолжал хвастаться своей предусмотрительностью главный идеолог области. – Я в женской колонии отобрал специальную роту из приличных девочек. Их содержат отдельно. Неплохо кормят. Особенно работой не утруждают. Сошьет каждая пару гимнастеров за смену и ладно. Зато, когда надо, девочки с лихвой отработывают это хорошее отношение к ним. Каждая из них знает, что если она не будет стараться, то быстро загремит на лесоповал. А там отбывать срок куда менее комфортно, чем в тюремном борделе. Среди эчек конкурс – попасть в потешную роту. Бабы лезут из кожи вон. Сейчас оценишь. Гарантирую, что такого ты еще нигде никогда не испытывал.

– Меня как-то на уголовниц не тянет, – возразил Смит.

– Какие уголовницы? У всех этих девочек минимум десятилетка за плечами. Они воспитывались в благополучных интеллигентных семьях. Большинство на английском чешет лучше, чем ты. Это же дочери «новых русских». Они просто не захотели следовать за своими папами и мамами и еще не успели навредить отечеству, как их родители. Незаконные валютные операции, уклонение от уплаты налогов, проституция – вот статьи, по которым

они осуждены. С ними даже презервативы не нужны. После каждого сеанса они проверяются у венеролога по полной программе. А случайные связи у них исключены. Усек?

Едва они вошли в прихожую, как откуда ни возьмись, вынырнули две разбитные, ярко накрашенные девчушки в шелковых кимоно. Одна, несмотря на протесты Георгия, принялась расстегивать пуговицы на его дубленке, другая разоблачала товарища Веселого.

– У нас жарко. В пиджаке вы запаритесь. Лучше снимите, – посоветовала австралийцу наложница.

– За сохранность карманов можешь не беспокоиться. Здесь никто ничего не тронет, – успокоил старого товарища завсегдатай этого заведения.

Девушки провели гостей в большую, ярко освещенную комнату. Все ее убранство составляли разостланные всюду пушистые ковры, хаотично разбросанные большие и маленькие подушки, музыкальный центр с большущими колонками и корейский моно-блок. Но комната не казалась пустой. Розовый шелк, которым были задрапированы стены, мягкий свет, разливающийся из множества светильников, придавали ей уютный вид алькова. Но главным украшением этого помещения, безусловно, были его обитательницы. Их было шестеро. Две брюнетки: худенькая татарка с мальчишеской стрижкой и спокойная, величавая то ли монголка, то ли бурятка с лунообразным лицом и сочными губами. Кудрявая шатенка с большим бюстом. И три блондинки, две из которых были крашеными (они-то и встретили гостей в прихожей), а еще одна, похоже, была русоволосой от природы. Она походила на шведку и отличалась от остальных какой-то особенной благородной осанкой. Девчонки сидели полукругом посередине комнаты, приветливо улыбались гостям и о чем-то перешептывались между собой, похихикивая.

– Вот, познакомьтесь, красавицы. Это мой старый товарищ. Мистер Джордж. Или просто Жора. Он к нам прилетел из самой Австралии. И я ему, между прочим, обещал, что с вами он получит то, чего никогда в жизни еще не испытывал. Как, не упадете лицом в грязь перед заморским гостем? – спросил наложниц хозяин.

– На нас еще никто из ваших гостей не обижался, Константин Евгеньевич, – сказала татарка, встала с ковра, озорно стрельнула жгучим взглядом на Георгия и исчезла в дверном проеме.

– Это Гульнара, – заочно представил ее Веселый своему гостю.

– А это Гюльчатай, Зухра, Лейла, Зейнаб... – дурачась, продолжил за него Кузнецов. – А ты своего рода товарищ Сухов. Любимый муж.

– Можно сказать и так. Только остальных девушек зовут иначе: Света, Кристина, две Лены и Катюша. А вот с нею ты, кажется, знаком. Ну-ка приглядиись повнимательнее, – Веселый указал на шведку. – Неужели не узнаешь? Это же дочка Мариночки Войцеховской Катя. Вспомнил?

– Здравствуй, Катюша, – смущенно произнес Георгий. – Как ты выросла. Вот уж где не ожидал тебя увидеть, так это здесь.

– Хватит распускать слюни, Жорик, – демонстративно развязно сказала девушка. – Мы здесь собрались, чтобы веселиться, а не ностальгию разводить. Жить надо проще, сегоднешним днем. Расслабьтесь, дядя Жора, и получите удовольствие. Что-то Гуля задерживается. Пойду ей помогу.

Веселый утвердительно кивнул головой, и девушка тут же, подобрав полы кимоно, упорхнула из комнаты.

– Что ты на меня так уставился? – взорвался Веселый. – Такое сейчас время! Я, между прочим, эту девочку и ее мамочку от расстрела спас. Мариночка прятала в своей квартире семью расхитителя государственной собственности. А дочь ей помогала. Еще она в университете принимала участие в выпуске факультетской стенгазеты, где напрямую призывали к свержению законной власти. Думаешь, легко было ее мамочку вместо колымского

лагеря отправить на поселение в Нарым, а дочку пристроить в потешную роту! Я, можно сказать, рисковал всем! А если бы ей здесь не нравилось, она, пожалуйста, могла бы вкалывать, как остальные ээчки, траншеи рыла бы. Девчонки, поднимите руки, кто из вас хочет рыть траншеи? – обратился к наложницам хозяин гарема и, увидев, как те сбились в кучу и испуганно замотали головами, удовлетворенно произнес. – То-то. Тогда включайте музыку.

Гульнара с Катюшей принесли два больших подноса с красным вином, курагой, яблоками и конфетами.

– Катенька, сделай мне чайку, – попросил ее бывший отчим, затем перевалился на мягкой подушке на другой бок и спросил Смита. – А ты будешь чай?

– С удовольствием, – согласился гость. – А то от спиртного меня уже мутит.

Порывшись в кармане брюк, Веселый с благоговением извлек капсулу в блестящей упаковке.

– Будешь?

– А что это такое?

– Виагра. Одна таблетка – и ты будешь топтать этих кобылиц до самого утра.

– Спасибо. Но я пока обхожусь без стимуляторов.

Веселый вздохнул с облегчением и небрежно бросил:

– Я вообще-то тоже. Но уж больно насыщенными оказались два последних вечера. Вчера развлекал гостей из ЦК, сегодня вот с тобой отдыхаю. Утром еще экономку отжарил. А годы-то уже не те. Ваше здоровье, девчонки. Ну, теперь держитесь!

Константин запил таблетку принесенным Катей чаем.

Из дверей выплыла бурятская красавица в одном только открытом купальнике, на котором и сверху, и снизу свисали позолоченные монеты. В руках она держала бубен, украшенный такими же побрякушками. Яркий свет тут же сменился на интимный, а из колонок музыкального центра полилась чарующая восточная музыка. Бурятка стала извиваться ей в такт, изображая танец живота, периодически ударяя в бубен. Колышущаяся позолоченная мишура на бубне, на мясистом заду и грудях, а также то приближающийся, то глубоко удаляющийся во вздрагивающий живот пупок – были последним, что успело запечатлеть сознание австралийца. Джордж Смит бездарно заснул на самом интересном месте.

Проснулся он через час-полтора. Он лежал одетый на широкой кровати поверх покрывала в тихой, темной комнате. Лишь через занавешенное тюлем окно проникал лунный свет. А на подоконнике сидела девушка с распущенными волосами и задумчиво смотрела, как плавно ложится на землю снег.

– Быстро же вы отдохнули, дядя Жора. Я думала, что проспите до утра.

– А который сейчас час?

– Еще даже полночь не наступила.

– Привык в перелетах спать урывками. Теперь бессонная ночь обеспечена.

– Какие проблемы! Давайте займемся любовью. А если вам меня мало, можем спуститься вниз и присоединиться к вашему другу. Там сейчас настоящая оргия.

– Не надо дерзить, Катюша, – устало произнес мужчина. – Давай лучше поговорим. Я давно не был в России и жутко поражен тем, что здесь увидел. Как вы здесь живете?

– Как видите, пьем, занимаемся сексом. А что еще нужно для жизни?

– Ты так думаешь?

Катя спрыгнула с подоконника, взяла с тумбочки сигарету и закурила ее.

– А почему я должна быть с вами откровенна, дядя Жора? – спросила она Кузнецова. – Вы пришли с Геббельсом. Он вас принимает как почетного гостя. Значит, вы – одного поля ягода.

– Я сюда приехал, чтобы увидеть жену и сына. Хочу вытащить их из этого ада. И для этого готов пойти на сделку хоть с самим чертом. И это моя работа – зарабатывать деньги.

– Деньги! Будь они прокляты! Из-за вашей алчности, слепой погони за наживой к власти пришли эти ублюдки. Что же вы, умненькие бизнесмены, прозевали такую богатейшую страну? Сами, как тараканы, попрятались за кордон, а мы тут отдуваемся за вас! – воскликнула Екатерина.

– Дай, пожалуйста, сигарету, – попросил Смит.

– Вы же, вроде бы, не курите.

– Десять лет не курил. Но сейчас я готов сойти с ума!

Он жадно вдохнул дым и даже не закашлялся.

– Что это за сигареты?

– Прокопьевский «Космос». Это лучшее, что можно купить в Обске. Иногда, когда Геббельс приводит москвичей, нас угощают дукатовской «Явой». Но это бывает редко. В основном нас использует лагерное начальство, менты да военные, а у них не то что сигарет, снега зимой не выпросишь.

– А почему ты называешь Веселого Геббельсом?

– А как мне его еще называть? Его все девчонки так называют. За глаза, конечно. Главный фашистский идеолог. Доктор Геббельс. А он даже чисто внешне на него похож. Такой же сморщенный, хронический язвенник. Вы разве не замечали?

– В принципе общее в них просматривается, – усмехнулся иностранец. – А как тебя угораздило сюда попасть? – уже серьезно спросил он девушку.

Катя сразу нахмурилась и замолчала.

– Я хорошо знал твою маму. Она мне доверяла... – только и успел произнести австралиец, как девушка зарыдала и бросилась ему на грудь.

Георгий загасил в пепельнице оба окурка и стал гладить юную наложницу по голове вспотевшей ладонью.

– Успокойся, девочка. Если тебе тяжело, то можешь не говорить.

Катя постепенно затихла и, лишь изредка всхлипывая, начала свой рассказ:

– Это было два года назад. Я только поступила в университет на филологический факультет. Мы приехали с картошки раньше обычного. Я сильно замерзла под дождем и, как только зашла в квартиру, сразу пустила в ванну горячую воду, чтобы согреться. У мамы были уроки во вторую смену. Она вот-вот должна была прийти. Когда в дверь позвонили, я лежала в ванне. Я думала, что это мама, открыла дверь, не спросив, кто там. Хорошо хоть накинула халат. Это был Костя. Он уже вступил во Фронт и подвизался в обкоме на побегушках. Он сказал, что хочет забрать телевизор. Мама обещала ему его отдать, но только при условии, что он после этого никогда у нас больше не появится. Я и впустила Костю в квартиру. А он сразу уселся в кресло и сказал, что подождет маму. Попросил сварить ему кофе. Я пошла на кухню. А он подкрался сзади и набросился на меня...

Катюша всхлипнула и прижалась плотнее к груди австралийца.

– В общем, он меня изнасиловал. А потом ушел, не забрав телевизора. Сказал, что придет за ним в следующий раз. У меня до этого не было мужчин. Мне было очень больно и стыдно. И когда мама пришла домой, я не могла смотреть ей в глаза. Она сразу все поняла. Ведь он ей уже обещал, что когда мне исполнится шестнадцать лет, он со мной переспит. Он сдержал слово с опозданием на полгода. Мама тут же позвонила в милицию. Против моего бывшего отчима возбудили уголовное дело, но он улетел в Москву на съезд. А там он встретил дочку Селина и женился на ней. С зятем партийного вождя менты связываться не захотели. Мама пыталась найти управу на него, но этим только разозлила Костю. Он приказал сфабриковать против нее уголовное дело, что она, дескать, укрывала государственных

преступников. А она только пустила переночевать тетю Свету Васильеву, после того как ее мужа арестовали. Только маму посадили в тюрьму. В тот же вечер явился Костя. Он сказал, что ее могут даже расстрелять, но он может похотатайствовать, чтобы смягчили наказание. А для этого я должна стать его любовницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.